

Алла Ходос

ИНТЕРНАТ

стихи и проза

Алла Ходос

ИНТЕРНАТ

А л л а Х о д о с

И Н Т Е Р Н А Т

с т и х и и п р о з а

Effect Publishing Inc.
New York, 1995

Alla Khodos (Shapiro)

**INTERNAT (Boarding-school)
Poems and Prose (in Russian)**

**Copyright © 1995 by author
All rights reserved.**

**ISBN: 0-911971-90-4
Library of Congress : 95 - 60572**

**Published and distributed by
Effect Publishing Inc.
501 Fifth Ave. Suite 1612
New York, NY 10017**

х х х

Перемешаны счастье и горе -
Это сговор, но я вам не жертва.
Это солнце мерцает в соборе,
А у входа стоит этажерка.

О, нелепость, случайность и странность!
О, какая смешная ошибка!
Это счастье смущенно прокралось,
Это глупый ребенок ушибся.

Это счастье такое большое.
Только горе висит над душою.

Но зато я стою в центре мира,
Как веселый солдатик из тира,
У меня нет ни бомбы, ни власти, -
Только горе большое и счастье.

х х х

Я живу в тяжелом мире,
трачу деньги и мечты.
А сейчас пойду на воздух,
где бываем я и ты.

Я сейчас паду на воздух
и забуду, где земля.
Да, когда-то здесь и возле,
но чего не знаю для.

Этот воздух нам назначен
полоумною судьбой,
Здесь любой мотив удачен
и хорош конец любой.

х х х

Проклятье моей суете!
Слова - не те.
И мысли - не те.
И даже в походке,
и в жесте,
и в платье, -
во всем есть проклятье
моей суете.
Живем напрокат.
Получаем займы.
В ломбардах судьбы
наша юность осталась.
Зачем так надолго заложены мы?
Мы ждем. Ожиданье
рождает усталость...

х х х

Зал ожидания. Влажные лбы.
Ропот водопроводной трубы.
Зал обездвиженья.
Спящий поток.
Вот мы и выжили.
Был кипяток.
Сахар кусками.
Место - прилечь.
Да над висками
воздух протечь
мог.
Тихо у ног
спали собаки.
Грязный ледок
с шерсти свисал
и не падал никак.
И комок
в горле стоял
у людей и собак.

ПОДВАЛ

Подвал заброшенный зиял
провалом вместо входа.
Там каждый что-то оставлял,
кому нужна свобода:

пустой портфель, пустой вазон,
пустой патрон от немца.
Менял бессонницу на сон,
войну на легкость сердца.

Там плакал ветер в темноте,
там зеркала потели,
кряхтели кресла, словно те,
кто долго в них сидели.

А если дворник замечал
глухую пропасть входа,
подвал заброшенный молчал,
как мертвая природа.

СКАЗКА О БЕЛОЙ ВОРОНЕ

Кар-кар-кар,
слетались вороны на тротуар.
Кричали, и врали, и ссорились рьяно,
и делались черными брызги фонтана.

Каждая важная черная птица
вправе гордиться своим опереньем.
Если какая и белой родится,
ее очернят и заставят смириться,
ее очернят и раздавят презреньем.

Вся площадь чернела кошмарным виденьем,
и черные реяли мысли и лица,
и черные перья летали, как листья.

Только одна белолицей девчонкой
гуляла ворона, в очках и юбчонке.
Она говорила: - Зачем эти драки?
Ведь мы же вороны, а не собаки.
Вертлявый сыночек, чернее, чем вакса,
под крылышком бился, каприза и плакса.

Вороны орали: - Отдай вороненка!
Но мама к груди прижимала ребенка.
Она его вымоет, вымажет мелом, -
быть может, хоть внучек окажется белым!

х х х

Старушка-филармония
присела в снег и сумерки.
Медлительные зрители,
в сугробах на плечах,
так мерно шли по улице,
что в небе птицы умерли,
и стрелки заскучали на часах.
Вы слышали побасенки
о рыжем музыканте
при написании музыки
впадающем в экстаз?
Блистательная родина
Антонио Вивальди,
ну что вам надо, милая, от нас?
Медлительные зрители
достойно и неласково
вручали гардеробщицам
тяжелые пальто.
Потом неукоснительно
в буфете дверью лязгали.
Ну что, старушка-музыка, ну что?
А где-то в консистории,*
в далекий век истории
сиял венецианский абажур,
И девочки безродные,
совсем, как благородные,
играли на габое де лямур.

* Муз.школа для девочек-сирот
во времена А.Вивальди.

По выходным выбивают ковры...

Наш маленький двор
разделили коврами
на семь или десять
квадратных дворов.
Квадраты цвели
и казались мирами,
но птицы боялись
квадратных миров.
И белые бабочки
в моль превращались,
и пчелы пыльцу
оставляли в пыли,
а люди терялись, терялись, терялись,
и снова найтись
не могли.

х х х

Это утро, как снег, опустилось на головы
и застало нас юными, добрыми, голыми.
Побежали известия в платьицах красочных,
полетели часы самолетов и ласточек,
день пошел развеселый, тяжелый, резиновый,
со своими строителями и разинями.
А теперь, как испуганный крот из норы,
этот оборотень запирает дворы.

Что там у тебя за темной пазухой?
Что пиджак, как ставни, застегнул?
А-а, смеешься, милый мой, неназванный!
Острый зуб, как ножичек, блеснул.
Что там у тебя, - быть может, камушек?
Рыжая лисичка? Лысый черт?
Спрашиваю тетушек и бабушек,
тех, кто знает всех наперечет.
Но тебя не знают, мой загадочный,
хмурый, вопросительный, худой.
Говорят, похоже, что порядочный.
Говорят, припадочный и злой.
За тобой хожу я, как привязанная.
Как и ты, воды набравши в рот.
Кто ж меня, подробную, рассказанную,
молодую замуж подберет?

ЭЛЕГИЯ

Не зная к чему прилепиться
своей обленелой душой,
сидела, как сонная птица,
на ветке, сухой и большой.

Клевала усталую ветку,
пока, наконец, из кустов
не вышел, спокойный и меткий,
и - в клетку, и - дверь на засов.

О, бедная, вольная птица,
зачем ты так долго спала?
Была бы ты лучше орлица,
подруга степного орла!

х х х

Пол не мыл себя совсем и не мёл,
просто солнце опустилось на пол,
просто комната была так светла,
словно комната росла и цвела.

Но откуда же стул прибежал?
Он, как раненый, шатался и дрожал.
А ведь пять минут всего и держал,
за спиной пиджак прямой, как кинжал.

Хоть бы лопнуло оконное стекло!
В теплой комнате дышать тяжело.
В светлой комнате полно пустоты.
А из комнаты ушел только ты.

х х х

По улицам тишайшим
легко идем, парим.
У домика ближайшего
давай поговорим.
У заспанного домика
(заборчик и чердак) -
пока не будет дворника,
побудем просто так.

х х х

Сквозь даль туманного окна
и сквозь очки для дали:
дорожка... женщина... одна...
как будто бы... едва ли.

Вот некто ждет. Ворчит мотор.
Блестят осколки луж.
Быть может, друг,
быть может, вор,
быть может, просто муж.

Что видим мы перед собой?
Обыденный пейзаж:
край неба, в меру голубой,
распахнутый гараж.

Законопачено окно
в одной из долгих зим,
но в щель гардин ползет Оно.
Как воздух, как бензин.

х х х

Я тоже наизнанку выворачивала душу.
Я в этой душной комнате безвылазно жила.
Однажды встала за полночь: да я ведь просто трушу!
Толкнула дверь на улицу, шагнула и - ушла.

Горели звезды ближние,
вдали мерцали дальние.
Тревожно спали ближние,
спокойно спали дальние.

Вилась дорога юности,
немая, бесконечная.
Изображая трудности,
лежали камни вечные.

Цвели сады в смятении,
кусты шептали странное.
Не замечая времени,
валялись в ямах пьяные.

И возле каждой лужицы
впадало сердце бедное
то в ослепленье ужаса,
то в счастье несусветное.

х х х

Тополь корни мыл в овраге.
Тополь был угрюм и стар.
Отвердевшие коряги
осязали влажный пар.

Он изведаль нрав апреля
и запомнил навсегда,
как смывает плесень прели
просветленная вода.

Но когда угрюмый тополь
вспомнил ласку старых трав,
он сдержал напор потопа,
право сильного поправ.

Непреклонный, гордый тополь,
чуть безумный, чуть живой,
в предвкушении потопа
мертвой схваченный травой.

х х х

Этот ветер похож на медведя:
необузданный, дикий, лесной,
он сосну, цвета меда и меди,
взял из почвы, вознес над землей.

Он топтал придорожные травы,
он ломал молодые кусты,
но держал, словно кубок отравы,
помертвелый кусок красоты.

НАСТУПЛЕНИЕ ЗИМЫ

Солнце засело в белых дубах.
Дворник снежинки метет впопыхах.
Ветки хватают снежок на лету.
Речка еще не доверилась льду.
Воздух еще не окреп, но груба
первая вьюга, как злая судьба.

Все, что витало, кружилось, влекло -
наземь упало, в рамки вошло.
Речка с последнею лункой тепла
сразу забыла, когда и текла.
Словно она не текла никогда:
стукнул мороз - и оглохла вода,
стукнул опять - а на дне немота,
рыба с бессильной травинкой у рта.

х х х

Одеяло верблюжье, желто-оранжевой шерсти...
А в скверике мутные лужи,
и листья готовятся к смерти.
Одеяло мое из пустыни Обломовка, старое,
аравийскими неграми катано или монголо-татарами.
В точности неизвестно, каким караваном
прибыл жаркий лоскут.
Мухи за окнами мрут,
выгнать собаку - тягчайшее преступление.
А я вот лежу и греюсь тут,
и лежит на мне историческое благословение.

Я всех моих ношу с собой.

- Друзья, мы вместе?

- Да.

Со мной один, со мной другой,
и третий иногда.

А если я иду, как все,
по нашему двору,
орут, от хохота присев:

- Смотрите, кенгуру!

Что, кенгуру?!

Да это ж я!

И кенгурята вот:

во мне любимая семья
детей моих живет:

друзей, старушек и зверей,
похожих на меня.

И в мире зверя нет добрей,
вместительней меня!

х х х

Везде тумана мокнущие ключья.

У каждой двери дымный кот сидит.

Одна душа, пустая, водосточья,
в порыве веры, знай себе, гудит.

Я вас люблю, труба в экстазе веры,
какое счастье: вдруг услышать вас!

Вот так трубить и действовать на нервы,
вывешивая флаги напоказ!

Мы все равны, любимы и прекрасны,
и каждый только начинает жить.

Едва апрель блеснет улыбкой плаксы,
душа трубы в предчувствии дрожит.

х х х

Т.

Когда бы знала наперед
про рай в березовом райцентре,
давно б оставила рай в центре,
ушла в березовский народ.

Неукоснительно серьезен
лишь тот, кому всегда везет.
Бродяжий бес меня зовет,
и друг зовет, и я - в Березе.*

Травой опутанное тело
плывет в неслыханный покой.
Душа бы если и взлетела,
то б отлетела в мир иной.

Ей дела нет до праздных, ложных,
до всевозможно сложных слез.
И жизнь проста, как подорожник,
с глубоким следом от колес.

*)Город в Брестской области

х х х

Где-то захлопнулась дверца,
и полетел под откос
звук укрощенного сердца,
скерцо для стука колес.
Перелетел через поле
воздух домашней глуши.
Переселение в поезд
чьей-то свободной души.

х х х

Ты вышла и дверь за собой затворила.
Не догоревала. Не договорила.
Но не опоздала на поезд. И в нем
дышала недогоревшим огнем.
Сквозь дым все ясней темнота проступала.
Все тьма, что не он. И как воздуху мало,
и память мгновенные звезды крадет.
Как медленно поезд идет.
Пассажирам плацкартным так сонно и сыро,
дайте им дополнительного пассажира -
анекдотов горячих вкусить.
Ты прошла, словно лето сквозь заросли леса.
Из-под мокрых колес ускользало железо,
мелкий дождик спешил моросить.

ОСТАВЛЕННЫЙ ДОМ

В последней деревне, у крайней избы,
холодный и древний покой не избыть.
Древесные корни и стебли цветов
толкают покорный, облупленный кров,
под самое солнце, под ветренный вой -
оконным крестом укрепленный покой.

СОН В ИНТЕРНАТЕ

Стылый декабрь стоит под окном.
Оцепенели деревья.
Первым очнулся учительский дом,
только потом - деревня.
Только потом заскрипели шаги
и заскользили салазки.
В темном окошке у Бабы Яги
кончились страшные сказки.
Только мычит слабоумная мать
в душном угаре избенки,
и на мороз переносят кровать
две неумерших сестренки.

х х х

Старуха лежит, выстывает квартира.
Автобус везет одного пассажира.
Дорога размыта. Мотор барахлит.
Шофер матерится и песни свистит.

На старого деда и злого шофера
обрушился ливень столетнего бора:
колючие брызги, и грязи комочки,
и лапы, холодные, словно примочки.
Ночь. Ни звезды. Ни деревни. Ни зги.
Господи! Помоги.

х х х

Вновь мотивчик подбирает
репродуктор после сна:
дорогая, дорогая,
довоенная весна...

Кто с отцом моим въезжает
в дом как в полосу огня?
Эта женщина чужая
так похожа на меня.

И небывшая, большая,
неразгаданная жизнь,
как живая, оглушает,
вниз лицом пока лежишь.

х х х

Чуть придержал свой шаг и снова
пружины старые разжал.
Трамвай по улице Козлова,
как мог, бежал и дребезжал.

Опять дрожал бобровый ворот,
дышал в затылок прошлый век...
Там жил старик, он слушал город,
не разжимая тонких век.

ВОСПОМИНАНИЕ О БАБУШКЕ

Ты совсем ни на что не похожая,
словно неприбранная маленькая прихожая,
в которой откармливают петуха.
Или дымная кухня, где варится острая и ершистая,
перекипающая через край, уха.
Ты голодную кошку ругаешь фашисткой,
пленных немцев окатываешь помоями из окна.
Но ведь ты уже невидима, неслышна.

ДЕД

Дед был хворый, грубый у меня,
перед зеркалом размахивал клюкой.
В дедову жилетку хихикала родня:
- Бай, бай-ка ты, дедунь, на покой.
Деда давно не принимали всерьез.
Дед был - украшение тахты,
Скрюченный воин, домашний курьез,
веник, на котором цветы
торчат, как шипы, а прутики тонки,
на ниточке дедова жизнь.
Не разжать грозящие, в судороге, кулаки
- Хватит злиться, дед!
- Отвяжись!
В зеркале отразилась стена, украшенная мозаикой газет,
монумент подушек, липа в пол-окна,
желтый Сталина портрет.

х х х

Траур носят, чтобы хоть немного - вовне, хоть ненадолго - вместе с нами, хоть на мгновение - забыть, ведь не на сердце одежда, пусть помнит одежда, кожа, но на мгновение - не сердце. А еще хорошо, что не крашены стены и сохранились случайно вмятины старых диванов.

х х х

Был воздух, как сок,
хоть ребенка пои,
и полдень высок,
и шустры воробьи.
Цвел в зарослях лютик,
шел пар от земли,
и старые люди
по парку брели.

х х х

Уходят, на землю улыбки бросая,
на камни швыряя свои голоса.
И сразу кричит эта дикая стая,
шумят золотые, глухие леса.
В пустыне терпимей - там солнце и жажда,
и мертвая речка не бросится вспять,
а здесь человек, уходящий однажды,
уходит опять.

х х х

Исторический архив.
Лампы старого фасона.
В зале холодно и сонно.
Архивариус ленив.
Вся история темна.
Я б отсюда отпросилась.
Но кругом земля и сырость,
и такая желтизна,
словно осень всех усопших
и убитых подошла.
Лысых писарей усохших
съели пухлые дела...
Но гудят колокола
возле виселиц и плах
каждой площади уездной.
"Господи, какие бездны!" -
карандашик на полях.
В лихорадке и экстазе
чье-то резкое перо:
"Сколько неба, столько грязи".

Слышно, как летит метро.
Слишком весело и гулко,
многолюдно и легко
под землю переулка
с магазином "Молоко".
А вдали редееет мгла.
Вдруг взмахнут листьями клены
бывшей площади казненных -
и опять колокола...

х х х

Друзья мои, пришлите мне конверты.
Поверьте, мне совсем не надо слов.
Я будут думать: это ветер вертит
листами. Это бабочкой с часов
слетели стрелы в летнее пространство,
чтоб, Боже упаси, не ранить нас.
Испытывая наше постоянство,
стоят часы, как в наш последний час.

х х х

Давай зайдем в закуток,
две закутанные куклы.
Еще последний глоток,
лишь переждать комок.
Уже последний часок
канают мои минутки.
Зачем же такой срок,
глубокий такой сток?
Словно еще плывем,
в близкой мгле возникая,
на бесшумной доске,
на последних парах,
кукла женская и
кукла совсем мужская,
на живом волоске,
на воздушных ногах.

Такая минута: как будто слеза,
но кажется - именины.
Прекрасная праздная стрекоза
в решеточке паутины.

Но ветер поет на вершине сосны,
и тополь свой тон подбирает,
и каждая пора шершавой стены,
и влажная нота дверная.

И плачет ребенок, осколок двора,
и старый сарай разбирают,
но в это же время - такая пора -
все дружно живут, все играют.

х х х

Одна веселая старушка
кормила в небе голубей.
В ее руках мелькала кружка,
и юбка дыбилась на ней.
Она была столь невесома,
столь ускользяща была,
что я, взойдя на крышу дома,
едва следить за ней могла.
Из кружки сыпались комочки,
их подбирали, как могли,
смеялись, падали на кочки
и наслаждались в пыли.
Лети, веселая старушка,
с девичьим жидким хохолком.
Твоих очков блистает дужка.
И кружка полнится тайком.

х х х

Бодро летчики летают
в облаках, на облаках.
Но дождевики улетают,
и снежинки улетают, -
значит, летчики растают.
Ходят звезды на руках.
Ходят умершие люди
в невесомых башмаках.
Чтобы ноги не промокли,
ходит солнышко в носках.
И расставлены бинокли
в облаках, на облаках.

ПРОГУЛКА В ГРОЗУ

Мгновенье блестящих взлетающих молний
и молний, стремящихся вниз,
схвати на лету и мгновенно запомни,
схвати и исполни, артист!
Гроза театральна.

А память мгновенна.

А слава нетленна. И все ж -
свежо и воскресно

вскипание пены,

и вожжи,

и ужин,

и дождь!

Ведь жизнь изначально.

Незначаща даже.

И чем-то похожа на фарс.

Летит Северянин в своем экипаже,
поет и жует ананас.

ЗАДУШЕВНЫЕ СТИХИ

ЖЕЛАНИЕ

Если б кто меня полюбил!
Заботился обо мне.
Постель бы мне постелил,
когда нуждаюсь во сне.
Одел бы меня, обул,
едой меня бы кормил,
и дул на меня бы, дул,
когда б меня полюбил.

НЕТЕРПЕНИЕ

Скорей бы неделя прошла,
чтоб я была весела,
чтоб провести выходной
подалее от проходной.

НЕЖЕЛАНИЕ

Я не хочу вас, проблемы, решать.
Что вас решать - вы вернетесь опять.
Лучше сейчас телевизор включу.
Я не хочу вас решать, не хочу!

ПЕРЕЖИВАНИЕ

Если бы я украла мильон,
и меня посадили в тюрьму,
кому бы я стала варить бульон?
Увы, никому.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

Предположим, я раком больна.
У тебя же начальник плохой.
Не может тебя он пустить,
что б ты попрощался со мной.
Я долго не буду грустить,
пусть попробует не пустить!

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

Мне сегодня приснился голый,
убегающий из окна
трехэтажной горящей школы.
А наутро пришла весна.

ОПАСЕНИЕ

Как бы вон та старушечка
ко мне ни подошла,
как бы ни спросила
меня бы вдруг чего.
На орле копеечку
сегодня я нашла.
Сияй моя копеечка,
и больше ничего!

ОБЕЩАНИЕ

Я дам вам страшную клятву:
двоим, троим, одному:
не говорить об этом
больше уже никому.
И так нас безумно много:
четверо, трое, два, -
такую большую тайну
не держит одна голова.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Я сегодня ушла от жизни
и села на берег леса,
и на опушку луга
легла почему-то я.
А жизнь пробежала мимо,
моя дорогая подруга,
бегом побежала дальше.
Вот так, дорогие друзья.

ЗАВЕЩАНИЕ

Кому бублик,
а кому...

Классик

Нужна ли публике
Такая лирика?
Как дырка в бублике
моей республике,
потребна лирика
такая публике.

х х х

Ступает вечер простодушный по холмам,
на пятки сонным насекомым наступает.
Кому не надо расходиться по домам,
побудьте в городе, пускай он наступает.

Побродит в скверике. На теплый камень плит
опустит облако, дремавшее на склонах.
Велит довериться, - кому чего болит
и пожалеет всех надутых и влюбленных.

х х х

Вечером, после рабочего дня,
на исходе воли, на выдохе,
словно душу другую вдохнули в меня,
будто вечную мне выдали.

Я - листва,
я - стрелочка на часах,
я - подсказка утру тревожному,
я - луна,
сидящая на небесах,
я еще послужу прохожему.

х х х

Весь вечер дождь толпится в городе.
Все двери жмут домам, разбухшие.
Все камни выползают, горбятся:
ох, дни засушливые, дни минувшие!

Машины с желтыми глазами
и рожами прямоугольными
послушно движутся за нами,
мерцая спинами безвольными.

Ничто не подновить, не выкрасить.
Такая в воздухе свобода,
что даже сердце лучше выбросить
и взять осколок небосвода.

х х х

Вода в ладони имела вкус
воды, добытой со дна:
во рту сладчайший песчаный хруст,
на дне ладони - луна.
Но ты не верил. Глотнул еще:
прилипла ряска к губе.
Сказать бы слово, не в лад, не в счет,
просто прильнуть к тебе.

х х х

Был сонный гул последних сил и мыслей.
Неясных слов, почти понятных мне.
Осенний ветер, яблочный и кислый,
и шумный дождь, и свет в моем окне.

Был узок мир, а теплый воздух нежен.
Ребенок спал, хворобу одолев.
Он так дышал, как нюхают подснежник.
Кудряв и смел, как мягкий детский лев.

И ты пришел, голодный и уставший,
без лишних слов, без памяти пришел.
И тоже лег, такой большой и старший.
Был сладок мир и тесен, как мешок.

МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА

Домик

Я любила тебя давно,
я любила тебя темно.
Освещалось едва одно
слепенькое окно,
словно в стене кино.

Будем смотреть вдвоем.
Счастийко суждено,
маленькое, да свое.
Крыша прочная,
дождь не льет.
Кошка ночью в трубу поет.

Сонный утренний садик с утра повидать.
В небе радуга гнется подковою.
Никому, никогда эту жизнь не отдать,
дорогую мою, пустяковую.

Лето

Вот и лето случилось яснее всех лет.
Наша крыша лучилась, от камня был свет,
вся природа сияла, хрустальной стекла,
и теплей одеяла погода была.

Медовый воздух базарных дынь
вливался в сонный воскресный город,
когда тихонько легла теплынь,
как пыль, на лица, как тень забора.

Еще троллейбус не подошел,
еще не знали, куда поехать,
а первый шаг отозвался эхом,
а ты уже уходил, ушел.

Еще пацаны доедали мороженое,
еще объявленья росли на столбах,
еще, обознавшись, кивали прохожие,
и всеобщее "здравствуйте" посвистывало на губах.

Поле

Вы, опять и опять проходящие мимо,
почему так спешите идти?
Потому ли что ветер гудит нелюдимо,
а любимые все впереди?

Помогите мне, улицы, взятые вами
для стремительной вашей ходьбы,
помогите, растущие под каблуками,
незаметные небу дубы!

Подними меня, мокрый, бензиновый воздух,
дай поверить, что небо везде.
Осветите дорогу, внезапные звезды,
если падать, то в ноги звезде!

Приближаются реки, несущие баржи,
протянули мне руки мосты.
Торопливая птица взлетает и машет,
и опять задевает кусты.

Так нас манит высокое облако боли:
вдруг блеснет - и темнеет опять.
Помогите мне выйти в широкое поле,
чтоб дышать и себя не слышать!

Зеркало

Я вернулась к себе опять.
Кресло сказало: "Сядь!"
"Ляг", - приказал диван.
"Выспалась?" - рыкнул кран.
Взвизгнул будильник: "Встать!"
Запыленное зеркало стало меня подзывать.

Волокли меня по полу вещи, пинали,
деревянные ножки скрипели, железные ручки тряслись.
В этой комнате, полной предметов, как в школьном пенале,
инквизиторы старые верные все собрались.

Запыленное зеркало оком туманным взглянуло.
Пыль пуская в глаза, зашаталось и стало опять.
И уже не моргнув, с головою меня затянуло
в эту муть, где за мною давно никого не видеть.

Улица

Я сегодня сама себе дочь и мать.
Я не знаю, куда свою душу сдать.

Старый пес какой-то старый чулок
мне принес и весел стал, как щенок.

Значит, ты где-то рядом, родной чужак:
со стены твой взгляд, за стеною шаг.
Тебя, притянутого стеной,
людской окатывает волной.

В каждой секунде сердца твоего
все меньше остается тебя одного.

Я твою самую тайную боль
чувствую и терплю.
Больше не больно?
Я стала тобой.
Я тебя люблю.

Старый пес скулил,
полумрак стерег,
приносил башмак,
засыпал у ног...

х х х

Смотрю в себя, потом в окно - сплошная маята.
Кругом темно, темно, темно - не видно ни черта.
Сосед фонарик не зажжет, он стережет воров,
и батарейки бережет, и не вполне здоров.
И тонкий нос его дрожит под тяжестью очков,
когда он кошек тормозит и давит светлячков.

А я, невежда из невежд, в слепой своей мечте,
в накидке розовых надежд, в кромешной темноте,
сiju в глубоком октябре, сама себе смешна.
Какая глупость на дворе. Какая тишина.

х х х

И вдруг зажглась минута света
на всех часах,
и день был найден, как монета:
блистал в кустах.

Да что-то, кажется, не решка,
и не орел,
и то орешек, то сережка,
то лист, то ствол...

х х х

В.М.

Вхожу в этот прах повседневный и пух
как дух костяных молчаливых старух,
как рожениц голос за тонкой стеной,
как вьющийся волос, в полжизни длинной,
веселых красавиц. Как отзвук обид
вхожу в этот прах повседневный и стыд,
как в плен, что свободней свободы самой,
в горячий, бесследный песок золотой.

х х х

Влага и тихая ласка лесов.
И беззащитные иглы.
Я бы могла обходиться без слов
и не играть в ваши игры.

Разве прозрачней реки ваша речь?
Легче воздуха разве решенья?
Я бы могла бесконечно течь,
не делая вам одолженья.

Ваших уколов не замечать
и не давать зароки.
Разве могли бы вы так молчать?
Разве вы так не жестоки?

х х х

Долго жил человек.
Жесткий стал, как сухарь.
Привозили калек.
Говорили: ударь.
Приводили дитя:
научи, обрати!
Уносили, кряхтя:
- Ах, сыночек, прости! -
Приводили собак да худых лошадей:
- Ты когда что не так, -
отведи от людей.
А он бил да гулял,
И молчал.

х х х

Под мелодию дождя,
подле шкапа,
скучный дядька бьет дитя
серой лапой.
Молча слушает дите
шум в осинах.
За стеной пустырь цветет,
пахнет псиной.
Дождь - он тоже всех сечет
за стеною...
Разве может быть еще
такое?

х х х

Кудрявый ребенок, с большой головой,
как кукла живая,
весь день разъезжает на палке кривой,
соседям кивая.

Его научили в лошадку играть
и куклой казаться,
его приучили весь день не мешать
и не огрызаться.

Как птичке чирикать, а кухне чадить,
так бегать и бегать.

Но те, кто поставлен ругать и стыдить,
накрыли обедать.

Жевать и стыдиться,
сидеть, как большой,
глотать и давиться!

Но что ему делать с голодной душой?
Ну что с ней возиться!

х х х

Стены теплы, как ладони,
в мягком дощечки полов.
Долго в родительском доме
не замечаешь углов.

Вот и пугаешься пугал,
лестниц, где пьют и свистят...
Просто не ставили в угол,
не обижали дитя.

х х х

Мама заплачет, а мальчик в испуге.
Тычется в стенку немо и слепо.
Птицы ночные, поздние звуки,
камнем упавшие с неба
в толстую вату сна и тумана...
Над головой просыпается Анна.
Щелкает светом и смотрит кино,
выключенное давно.
Лестничным скрипом становятся стоны.
Слезы уходят в речные затоны.
В холод предутренний, в старые платья
прячутся шепоты, всхлипы, проклятья.
А для тебя здесь начало. Не бойся.
Детским своим одеялом укройся.
Это дневная, легкая птица
у твоего изголовья садится.

х х х

Ускользящее время
мне протягивает руки:
на, возьми меня, потрогай,
подержи в своих руках.

Ускользящее время.
Перекрыты шлюзы, люки.
Предстоящие разлуки
без огня сидят в углах.

Может быть, они немые,
предстоящие разлуки.
Может быть, они ослепли,
пригорюнившись впотьмах.

Ускользящее время!
Будем брать детей на руки.
На, возьми меня, попробуй,
удержи в своих руках.

х х х

Лица, февраль, выражение вялости,
скуки, отчаянья скуки, хандры,
Люди вот-вот упадут от усталости
в эти подтаявшие дворы.
Что-то утрачено или украдено
и заколочено на учет.
Но иногда прорывается радио,
время течет.
На глубине, где река сохраняется,
льдина встречается с тенью весла.
Долго ворочается, отрывается,
и - поплыла.

КОРОЛЕВА

В самом центре мира сидела королева.
Гонцов посылала за славой направо и налево.
Гонцы мотали по свету приказы ее и капризы,
показывали с вензелями королевские визы.
Влюбленным в нее мальчишкам раздаривали мильоны,
воинам, вместо медалей - маленькие медальоны.
Лица, витрины, лужи,
морды животных в мыле
изображали ужас, с которым ее любили.

х х х

Топчусь на дорожке заросшей своей,
пугливее кошки, коровы грустней.
Короткое лето и губы сухи.
Мне страшно, что где-то идут пастухи.

Худые мешочки висят на плечах.
Бренчит на кусочки расколотый страх.
Идут, спотыкаясь на каждом шагу.
А вдруг догадаюсь и не побегу?

СКАЗКА

Взяли кривобокою, бедную, дурнушку.
Оторвали тонкую, острую макушку,
и потом для крепости
сунули в песок
слабый, гнутый месяцем,
стволик-стебелек.
А в лесу заснеженном,
в дебрях декабря,
сильные и нежные,
медвежата спят.
Там, в медвежьей области,
волчий огонек
освещает маленький,
тоненький пенек.
Бурая медведица
бродит вдоль пенька,
и печаль медведицы глубока.

НОВОГОДНЯЯ ИГРУШКА

Детство. Клоун игрушечный, как живой,
клоун мой у всех на виду!
Повисает на елочке мой герой,
доставаемый раз в году.

Тряпочный, а воротник из фольги
тоньше, чем кружевной.
Гордость, и выраженье слуги,
игрушечный и живой.

Ты подвешен за шиворот, мой дорогой,
для кого же взгляд свысока?
Нет, ей-богу, моргнул, и кивнул головой,
легкой, как у цветка.

В тусклом блеске трепещущей мишуры,
после самых единственных слов,
я тебя отпускаю. Мерцают шары,
как живые подобья миров.

х х х

Девочка ест яблоко с напряженьем, морщась от счастья
и кислоты. Один огрызок она уже плотно сжимает - так,
что потеет ладошка - это кошке. Отдавая все свои
двухлетние силы, она с изумленьем берет крепость яблока.
Как неожиданна преграда упругой кожицы, как играет этот
веселый напиток, этот желтый мячик - может быть, с неба
он опустился?

х х х

Звезда называется Бабочка.
Ты снова с ней шепчешься, доченька?
Она улетает, лишь дверь распахну
и сделаю шаг, спеша.
Ах, почему я не бабочка, не звездочка
и не лампочка, и почему не песенка
я твоим ушам?

РЫЖИЙ КОТЕНОК

А.Ц.

Свежая травка взошла поутру.
Рыжий котенок пошел по двору.
Словно большой переполненный чан,
двор выдыхает молочный туман.
Из деревянных и каменных пор
ветер выходит и сыплется сор.
Лютик растет. Одуванчик растет.
Рыжий котенок все время идет.
Видит: букашки ползут из земли.
Видит: летят золотые шмели.
Видит: по липам тихонько течет
сладкий, как мышка, липовый мед.
Рыжий котенок вздохнул глубоко:
- Ах, до чего хорошо и легко!
Над горизонтом, кругла и тепла,
добрая рыжая мама взошла.

х х х

Немножечко грязи на кончике пальца,
частицу спокойной земли,
кусочек весеннего черного сальца
любимые дети несли.

Собачке, подружке - и мимо, и мимо,
туда, где желтела скамья,
где все обрывалось, где ложно и мнимо
прямилась фигура моя.

Чудеснейший палец, чистейший, пречерный!
Червяк, дождевая струя...
И мой воспитующий вопль перечеркнут,
и я понимаю, и я...

х х х

Горе - не горе,
Тоска - не тоска,
Так, просто -
в заборе
доска.

Кого-нибудь сна лишает,
а мне уже не мешает.

Горе - не горе,
так, червячок,
необходимый находит сучок,
и точит его и точит.
И знать ничего не хочет.

х х х

Полюбить свой день заранее,
свой троллейбусный маршрут.
В эти розовые здания
люди ранние бегут.

Сколько звона в каждой лестнице,
сколько легкости в шагах!
Полететь со всеми вместе бы,
да летаю в облаках!

х х х

Чудаковаты старики,
а молодые глуповаты.
А в середине каблуки
горят и спешно льются латы.
Кому заплатки, а кому
сплошные бранные доспехи,
защита сердцу и уму
от чудной жизненной потехи.

х х х

На траве, сухой, как мощи,
серая листва.
Этот легкий воздух общий -
сонным существам.

Весь блистающий и тесный
голубой кусок небесный,
дом вершин и мокрых гнезд,
место звезд.

х х х

Время сидело на стенке, кукукало,
длинное предновогоднее пугало.
Нерастраченное за год, доброе,
время, прямо с земли подобранное,
снежное, бумажное, елочное,
безуспешное, последнее, осколочное,
зацелованное всеми, захватанное,
лишнее, счастливое, бесплатное.

х х х

Неприметный вечер светлый,
белоснежная земля.
Несусветный, беспредметный
одиноким солнца взгляд.
Застилает дым цементный
неба свет полуживой
над моею незаметной
полусветлой головой.

х х х

Минует час беды и день,
минует год беды.
Уйдет зима из деревень,
войдет вода в сады.
Увидишь веточку земли,
былинку башмаков -
поймешь про облако вдали,
про небо облаков.

х х х

Земля, похожая на небо,
забыла правила свои.
Взлетели, выбились из снега
следы людей, как воробьи.

Но как вершителей обряда,
всех принял воздух прежних мест.
А кто дышать мечтали рядом,
послушно выбрали подъезд.

х х х

Наслаждение минуты
тишиной, покоем, светом,
темнотой, волнением, шумом,
небом в облаке густом,
позолоченным бокалом
отвратительной цикуты,
иль заболтанным приветом,
или фиговым листом.

Прилипающее к коже,
пристающее к сетчатке,
к барабанной перепонке
прижимающееся, -
так на что оно похоже
и какие отпечатки
оставляет на брусчатке,
удаляющееся?

х х х

Когда душа моя стоит,
как пыль над городом бездушным,
и сквозь нее неразличимы облака,
одно лишь дерево торчит,
в пространстве сонном, безвоздушном,
и протекает неприметная река,
тогда мне кажется,
что каждый дом невзрачный,
свои ворота отпирающий с трудом,
встает навстречу,
как невыспавшийся дачник,
свой труд бессонный отложивший на потом.
И каждый житель,
точный слепок тесных комнат,
квадрат спины кряхтя подставивший под жизнь,
стоит над бездной,
а его уже не помнят,
над тихой речкою стоит и смотрит вниз.

х х х

Стулья терлись сухими спинами,
но не высекли искр. Сидеть
неродными, но вместе сдвинутыми, -
это надо уметь!

И в пожухлый цветочек обоев смотреть -
предо мной цветок, пред тобой,
потолок терпеть: он ведь тоже твердь,
тоже крыша над головой.

х х х

Это сонный ноябрь, утонувший во мгле,
и никак не ударит зима.
И пристрастие к слякотной мягкой земле,
на которой так смутны дома.

Но неясно кто, непонятно как
и неизвестно где
оставляет прощальный условный знак...
Или это круги на воде?
Или - переплетенье корней
проступает из глубины?
Или кто-то ждет: приходи ко мне
и руки так сведены?

х х х

Горек снег, под снегом осень лежит,
звери лижут ее, морщатся.
Отощала волчица и птица дрожит,
но зато как светла рожица!
В ней шевелится прошлогодний листок,
в ней таинственный ток сырости,
и вот-вот заструится весенний сок -
только б выпасть из гнезд, выползти!

х х х

Ртуть живая, живая водичка -
опрометчивая синичка.
Рядом печка, речка, лисичка.
Полетала, снесла яичко,
разогнала свое сердечко.
Шевельнулось сердитое время:
что ни слово - закон, табличка.
Опрометчивая синичка,
недочитанная страничка.

х х х

Льетса дождь в больничную палату.
Персонал окно не затворил.
Тощий клен, намокший рыцарь в латах,
до утра дежурит у перил.
На крыльце светло от звезд опавших...

х х х

Боль плывет из области Неволь.
Пленники ее проснулись в лодочках.
Горькие снадобья держат в ложечках.
Говорят: пожалуйста, изволь.
Говорят, спасибо, будь здоров.
В озеро сигают, словно школьники.
Ах, не подождали докторов,
бледные, холодные невольники.

х х х

А где-то на юге есть город Утюг.
Там бродят большие, спокойные утки,
и персик мохнатый, не знающий выюг,
висит и не падает круглые сутки.

Ах, там, в Утюге, можно жить на ноге,
одной, словно цапля, простым инвалидом,
читая плакатик: "Не место обидам!"
и детское море держать в сапоге...

Не место, не время...
Есть город Утюг,
там в лунную ночь
хорошо на вокзале,
где птицы токуют
в пустующем зале.
Но к северу тянется юг.

х х х

Трудно съехать на рельсы прозы
после поэтической позы.
Тем не менее это полезно.
У тебя под ногами железно.
Каждый болтик прикручен надежно.
И ты знаешь, что многое можно.
Можно утром плясать, как китаец,
ритуальный заученный танец,
для здоровья полезный,
а можно - в океан окунуться огромный.
Но акулы в нем и нечистоты.
Так в душе твоей, доброй, но темной,
много места для всякой работы.

х х х

А муха лапкою моет лапку и лапками глупую трет головку.
Так и нелюбовь - жалкая, не знает, что делать с собой.
И куда ее прогонишь - не подымается рука. Пыжится,
жужжит, подходит близко, - и вот она уже большая -
жирная, жорная, - ж-жизни твоей хочу, - говорит.

х х х

Прикуешь себя цепями к неподвижному счастью, - как
потом оторваться от счастья-камня?

х х х

Люди пересекают площадь. Густые следы соединяются в
линии и перечеркивают ее. Еще раз перечеркивают, и еще.
Вся земля исчеркана людьми, ступающими друг другу
вслед. Вдруг кто-то, в ботинках великана, сотрет все
линии, раздвинет пространство и станет в центре движения.
Но все равно зашаркают, заштрихуют...

х х х

Опрокинулась чаша веселья,
чаша пира,
пролилась на голову мелюзге.
Ах, букашка, испившая бражки,
пьяный муравей,
пьяная божья коровка, -
хватило бы с вас подковки,
слоника на шнурке.

...О, кофе ненашей изысканной жизни! О, коричневая река Ганг и трубочки с кремом! Десятиклассница в джунглях покрашенной басмой прически. А рядом экономист молодой, преддипломник, на крыльях любви и свободы.

- Вы пиццу хотите ли?

- Нет, я не буду!

- Люля?

- Ах не надо, ну что вы!

- Так кофе с пирожным!

- Нет, сладость - увольте!

- Ну кофе возьмите же!

- Ладно, ну кофе!

Ласточкой официант в белом фраке и черной рубашке.

- Вам черный иль белый?

- Конечно же черный!

А ей с молоком подавала мамаша и сахару клала побольше для мозгу. И вот он дымится! Почти выпускник свою левую руку простер на плече упоительно юном.

- Ну пейте же кофе!

А сахар - что делать? - на блюдечке рядом. Но это ж по-детски - зачем еще сахар?

- Ну, пейте!

Глоток - и горчайшая взрослость не в горло, а в сердце вливается грубо и неотвратимо.

- Но я не хочу!

У него не осталось терпенья. Две чашечки залпом - свою и ее. Ну пошли же!

...Какая манерность, жеманность, какие притворные слезы!

х х х

Однажды, мечтая о жареной курице, он посмотрел в лицо судьбе. Лицо было в морщинках, как в отпечатках тонких птичьих лапок, а волосы напоминали прошлогоднее сено. Он спросил, что же с ним будет? Но судьба могла предложить только тощую курицу, жареную под прессом, с чесноком и солью, которая когда-то, возможно, и была его синей птицей.

х х х

Ох, эти шоры и шорохи мысли,
шитые-крытые вздохи за дверью!
О коридоры, пропахшие кислым,
где раздаются шаги недоверья.

Я опускалась по лестнице скользкой
в густо картофельный запах подвала
и застревала упрямой загвоздкой.
Запоминала.

х х х

"Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю".
Но выдохлось наше упоенье, вычихалось. Наше чувство бездны фатально. Протерев заспанные глаза, мы продолжаем делать то, на чем остановились, когда резвились рядом с нею, но не знали.
Рядовое и повальное чувство. Как раньше - чувство локтя, чувство коллективизма. Но над бездной каждый стоит отдельно.

х х х

Лежала пушистая, теплая,
вот-вот замурлыкает, -
вещь.

Носком поддевали -
падаль,
без толку валяешься здесь.

А старики говорили:

- Ну как это бросить такую?
Кому-нибудь бы пригодилась, -
и смотрели дальнозоркими глазами,
не идет ли автобус.

Она лежала как раз на проезжей части,
машины визжали, возбужденные,
как собаки при виде кошки,
и даже не объезжали ее.

х х х

Положили души в копилку -
может быть, еще пригодятся.
Может, даже вырастут души,
словно дети в детском саду.
Душно становилось в копилке.
Страшно сохраняться в морилке.
Может, превратиться в копейки
и, на всякий случай, звенеть?

х х х

Мы не привыкли сниться малознакомым.

Малознакомый заходит под вечер:

- Здравствуйте, вы мне приснились!

- Здравствуйте! Приснился? (Он, видно, с приветом).

Но позднее время!

Идите, усните, надеюсь, теперь вы увидите тещу,
начальника, свежую рыбу,

меня же увольте:

не хочу становиться я вашей мечтою,
неосознанной вашей проблемой иль бредом.

Малознакомый в ответ извиняется долго:

"Ах, к чему этот сон?

Может быть, к перемене погоды?

Ведь темною ночью вы мне улыбнулись, как солнце!

Так значит, всего лишь погода..."

х х х

Исчерпала жизнь свою похлебку.
Может быть, мелка была тарелка?
Где другую взять?
Кипела каша,
булькала,
на стол переливалась,
только губ ничьих не обожгла.

х х х

Тишина подметенной квартиры.
Ожидание мужа впотьмах.
Ветер с пристани. Поздно и сыро.
И привычная соль на губах.
Но какая-то новая прелесть
в предпоследних минутах тоски,
в горьком запахе йода и прели,
в древнем воздухе чаек морских.

ПРУТИК И ГВОЗДИК

Сказка

Выпал Прутик из плетня.
Рвется в драку командиром.
Дайте Прутику коня!
Прутик будет править миром.

Выпал Гвоздик из забора.
Говорит: - Послушай, брат,
а давай построим город
совершенно без оград!

- Bravo, Гвоздик! Я хочу
близлежащие районы:
три деревни палачу,
три - наследнику короны.

"Парень ловок и востер.
Сразу видно: будет вор!"
Прутик хлоп по шляпке, хлоп -
пусть покрутится холоп.

Гвоздик сдерживает стон.
Государство строит он, -
значит Прутик потому
долго хлопает ему.

Город выстроен к утру
Гвоздик вызван ко двору.

Горизонт для всех открыт.
Шлют свинину и поклоны.
Пар и жир вокруг корыт.
Стол накрыт на две персоны.

За столом сидит сам Прут,
- Проходи, садись, Гвоздишка...
Скромно кушанья берут.
Бедным отдают излишки.

- Рад, воришка?
- Да, мой сир!
Лучше, право, и не надо:
есть простор, монарх, трактир,
вдалеке... пасется стадо.

Только твой меньшей сынок
задает вопросы.
И какой-то красный сок
льется на покосы.

х х х

Вот чьи-то двери покосились на меня:
зачем здесь эта?
А я прошу немного дыма от огня,
немного света.

Уже в пейзаж вселяется тоска
оцепененья.
Но городку отпущена река
и отраженья.

Из глубины вздыхает старый дом,
одетый садом.
Да, чей-то сад, шумнее, чем содом,
бушует рядом.

И зажжены внезапные глаза
вечерних окон,
одарены способностью пронзать
и ждать без срока.

х х х

Дверью хлопнули некстати.
Затаились. И опять...
Хватит вскакивать с кровати!
Хватит лампочку искать.
В доме, словно в чистом поле,
после ветра и дождя,
чистый воздух, словно каждый
рассмеялся уходя.

х х х

Распропащая, глупая ты,
чуть живая ночная душа.
Помнишь, в детстве, в окне темноты,
трепетала и плакала? Ша!

Потянись, обнимись с ветерком,
вспомни - есть драгоценный дружок.
И ему этот ужас знаком,
стрекозиные крылышки жег.

Вспомни: шепот стихает к утру,
и еще разрешается спать.
Загадаешь: усну - не умру,
и, как в яму, ныряешь в кровать...

Нет, не страшно расстаться с жильем,
как с жильем, где течет потолок.
Страшно думать: еще подождем
и подальше припрятать кусок.

х х х

Когда с ума как следует сойдем,
когда совсем на чтеньи помешаемся,
одной газеткою укроемся вдвоем -
ах, как свободно мы живем и утешаемся!

Под резкий звук журнального свистка
посмотрим в небо, опрокидываясь, падая.
Когда уменьшимся до степени листка...
А там Флоренция мелькнет, а может, Падуя.

х х х

В морозный день такое голубое,
так густо голубое - на закате.
А месяц вырезан и тонок,
он будет править, он - корона.
Все хорошо. Забыть, что это небо
не навеки.

х х х

В центре октябрьской смуты
лиственной прямой аллеи
раньше бывали минуты
тише воды и светлее.
Просто вы льнули к подошвам,
листья, летевшие косо,
и прижимались нарочно
к лысым печальным откосам.

Что за нелепые позы:
в космах растрепанной пены
высушенные стрекозы,
нотные знаки измены.

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ

Боре

Лаборатория похожа на тюрьму
с окошком неба, свежести и тополя.
Здесь ночь прошла, и день ушел во тьму,
и люди темноликие протопали.

Здесь к негативам, страшным и смешным,
безмолвно примыкали белокожие,
тихонько улыбались, как родным,
немножечко другие, но похожие.

Стоял увеличитель как толмач,
пока тянулись недоволенные,
в миллионный раз свой потаенный плач
вливая в их глаза неосвещенные.

Он наблюдал, как морщатся одни,
и как другие светятся загадками,
как не спеша становятся людьми
с мечтаньями, профессиями, складками.

ОСКОЛКИ

1

Всегда сияло мое стекло.
Сколько бабочек прилегло!
А мальчишка ударил легким мячом -
мальчишке все нипочем.

2

В землю как будто прятали клад, -
плакали по пути.
Целое солнце три дня подряд
никак не могло взойти.

3

Зато отразилась мозаика лиц
и оперенье птиц!
Осколки все-таки горячи,
как солнечные мячи.

УТРОМ

I

Любовь в букете. Доносится хруст
и терпкий запах куста.
Вскипевший за ночь сиреневый куст
как будто содран с креста.

2

Был вздох доверчивый, как букет:
все мы немного растение...
Такой человеческий вьется след
там, где корней сплетение.

3

Следом приходит уборщица - тень
или ребенок играющий,
и начинается новый день,
благоухающий.

х х х

Я, случайно необходимая,
ты, случайно необходимый мне,
и полоса, лесная, непроходимая,
как на войне.

Но ты нужней и дороже мне
всех прихотей сердца, всех игр ума.
Ведь ты роднее и ближе мне,
чем я сама, себе - сама.

х х х

Стоял у самой двери, на пороге,
вблизи от воробьиной кутерьмы,
прямой и постоянный, как надгробье,
и бдительный, как сторож у тюрьмы.

Стоял всегда, но я не угадала,
что ты стоишь, как будто время стало,
в сыром и спертom воздухе осеннем
прихожей, переполненной терпением.

х х х

Как одиноко мне!
Там, на большой земле,
стоят друзья сплоченными рядами,
а я на зыбком пяточке.
Что за моря бушуют между нами?
Какие ураганы и цунами
в любимом отражаются зрачке?
Вот скомканные слезы в кулачке.
А что еще? Я так ищу предметы
на побережье неумной Леты.
Хотя бы пароходные билеты,
иль стаи рыбок золотых скелеты,
в текучем сохраненные песке.

х х х

В доме пахнет сушеными грибами,
пень-колодой и прочей чертовщиной.
(Ах, судьба, посмеялась ты над нами!)
И особенно в дождь - тоской-кручиной.

Но в далеком краю тоска зарыта.
Там сугробы, сугробики, суглинки.
Там у двери разбитое корыто.
(Ах, Сусанин, мелодия из Глинки).

В доме пахнет сушеными грибами,
старым пнем, некультурным обращеньем.
(Что с твоими безвольными губами?)
Ручейком, возвращеньем, возвращеньем.

ПЕСЕНКА НА САЛФЕТКЕ

О.Н.

Декабрьский вечер.
Час озябших одиночек.
Вы спели песенку
про плавленный сырочек.
И утро раннее,
и кухни потолочек,
и снова маленький
серебряный сырочек.
Я что-то мыкала,
когда свернули к дому,
ах, почему я не умею
по-другому?
Я просто дурочка,
и что за гнусный почерк,
но я люблю вас
за расплавленный сырочек.
Я тоже прятала
в заветный уголочек
мой плод запретный,
мой замученный сырочек,
а надо было поедать,
набить оскому, -
ах, почему я не сумела
по-другому?
Снежок поставит на земле
сто тысяч точек.
Мы с вами тоже были
родины кусочек.
Так спойте песенку
про плавленный сырочек,
когда в Америку отправлюсь
на часочек.

ДЕРЕВЯННАЯ ОДА

Стоите, пышные дровишки, на утрамбованной землишке!?
И вы, кургузые малышки, подъяли лапки, как мартышки.
Я знаю вас, пышнозеленых, морозцем северным каленых,
И в желтизне осенней чащи я слышу вальса звук гундящий.
Я помню: иногда на ветке висели кушаний объедки, -
То мы зимующих пернатых, Вселенским ужасом объятых,
Кормили из семейной сетки. Довольны были наши детки.
Но что есть счастье для дитяти?
Взять острый ножик и строгати.
Так для подростшего детины - лежать в тени
И, сняв холстины, тонуть в объятиях Кристины.
Еще я помню вас сплавляли по Енисею.
Вас вгоняли в каркасы стен и утлых лодок.
И драгоценней всех находок
Мне пара стоптанных колодок.
А иногда я вспоминаю, как дружно вас ломали к Маю.
О, вы всегда годились в дело!
Я вам в глаза смотреть не смела.
Я поняла, что для Марины соблазном были ваши спины,
Что чем надежней веток крепость,
Тем века выспренней нелепость.
Но сладко роща верещала: то не прощала, то - прощала...
В век косяков и перекладин есть шум дубрав.
Будь он неладен!
За это после вакханалий на вас навешали медалей:
Печатных пряников, хлопушек.
И звездный дождь стекал с верхушек.

х х х

Ясные дни - наступления сумерек,
чересполосица света и мглы.
Полузнакомо доносится с улицы
листьев ли шорох, запах золы.
Полубольные деньки.

Без будильника
встанешь, когда нахлобучив платки
злые уборщицы ведрами дзинькают
и задевают за косяки.
Мыть - не отмыть одинокую родину.
Только из щелей достанешь тряпье,
дыры пульсируют: снова закройте, ну!
Это колотится сердце ее.

х х х

Будет лежать молодая зима.
Белою улицей буду сама.
Сколько народу пройдет сквозь меня -
белую улицу белого дня!

Выведу сонных, слабых людей
к летному полю моих площадей,
где веселей и просторней зима.
Белою площадью буду сама.

Вырвусь вперед и назад ворочусь,
и переулочком закручусь,
и прихвачу, кто сильнее меня,
чтобы белее белого дня!

Может быть, к вечеру станет темней,
может быть, даже положат камней,
буду лежать, словно нету меня, -
белою улицей белого дня!

ИНТЕРНАТ

Тетя Тома

Отчего плакала тетя Тома?

Она плакала о пропаже открытки с Новым годом, которую год назад прислал для сына зэк Максим, но не только. Она плакала о своем племяннике, который говорит на воспитательницу матерные слова и кусает дежурную в столовой, но не только.

Бедная тетя Тома, охватившая своими мягкими руками шею грубого племянника Вани, не знала, отчего все так завязано в ее жизни и перемешано в беспомощном сердце, и плакала в вестибюле, чтобы люди не подумали чего плохого и простили ее.

Прогулка

Это прогулка, воскресенье. Молодая воспитательница, солнце высоко. Предвкушенье сразу всех радостей жизни: валяться в траве, кубарем нестись с песчаного откоса, а потом драться, драться и окончить войну победой! А девчонки подберут раненых.

Но мгновенно все сбились в кучу. Мы в кольце, в тисках, с молодой воспитательницей в центре, хлопающей, как курица, руками и лапами кофты. И все ловят руку, рукав, полу и валят с ног друг друга. Мы в окружении деревенских. Их пять или шесть, и у каждого собака. Выходцы из окрестных деревень, рожденные потомственными пьяницами, каким-то чудом не попавшие ни к нам, в обыкновенный, ни в специальный интернат, они дразнят нас своей звериной свободой, испытывают гибельным счастьем: быть отдельно от нас, быть не нами.

Мы кричим: "Гады, немцы!" и хватаем из-под ног острые камни, одной рукой все еще цепляясь за рвущийся подол.

Некто Сережа

Мы срывались почти с любимого, привычного, скучного места и, выбиваясь из строя, сбивая по пути лопухи и разбрызгивая непроходимые лужи, бежали в больницу к однокласснику. Мы не думали о его страданиях - мы думали о его радости.

Он выйдет к нам, похудевший, синенький, и от счастья сядет на скамейку. Ведь мы все, даже Светлана Васильевна, целую неделю не ели розданные в воскресенье конфеты "Крыжачок" и теперь несем ему семьдесят пять штук!

Он будет день и ночь сосать конфеты и накормит всю больницу, которую уже тошнит от пилюль. Мы будем несильно бить его по плечу, чтобы он смеялся, удивляясь своей силе. Потом он поправится, и мы будем ждать новой жертвы для утоления радости жалеть.

Но был среди нас Сережа. Вечно розовый, точно с мороза, он забегал в комнату на минуту, что-то тянуло его обратно, но мы не знали - куда. Лишь известно было, что он классный футболист, что с ним здорово играть.

Он сам считал себя незаметным и не любил мозолить глаза. Он жил отдельно. Через четыре года у него, подумаешь, заболели зубы и десны, но оказалось, что это рак, и он умер в столичной больнице, оставив после себя младшую сестренку. Она пришла в наш класс, чтобы выбрать себе нового брата, но все только смотрели в пол.

Линейка

Воскресная линейка. Ровно стоим. Ровненько. За это нам будут улица и кино. Не только за это. Но и за это, конечно. Ро-о-о-вненько стоим. Это просто рот стал резиновым и хочет зевать. В шестом классе, под последней партой нашли мусор. Большие, а мусорят. А мы - нулевочка, но убрали. И стоим мы о-о-о-чень хорошо. Приедут шефы. Тетя Зина, тетя Таня, тетя Петя, тетя Котя. Славка Выкрутович! Ну дает! "Тетя Петя, Котя, Мотя!" - заливается. Щеки, как резиновые мячи. Надо воздуху взять много-много - тогда не засмеешься. Правда, лопнуть можно. Пух-х - готов Славка.

- Выгибович-ч-ч!

Это Марья Владимировна шипит. А Ленка! Ишь ты, ишь ты! Вертит хвостом. Думает, что она проверка. "Толик, дай ей под хвост".

- ...таковы, в общих чертах, наши задачи на сегодняшнее воскресенье. Кино покажут в три часа. А что случилось с нулевкой? Посмотрите, ребята! Может, малышам нужна помощь? Это же не линейка, это же черт знает что! Выгибович! Марья Владимировна! Он, видимо, забыл, где находится?

Выгибович забыл. Ему хорошо хохочется, и неохота ему быть вашей линейкой.

Виталик

Виталик любил чтение и не понимал математику. От чтения он разговаривал, как взрослый. Но, как маленький ребенок, он мочился в постель. Потому что еще давно, когда жива была его мать, она толкала его под поезд после бутылки вина. Они тогда жили на станции. Может быть, она стыдилась маленького сына, потому что уже тогда он разговаривал взрослыми словами.

Мальчики из комнаты Виталика не дружили с ним, но и не обижали. Они даже старались ловко завернуть и прикрыть запах его постели, чтобы проверка санитарного состояния ничего не обнаружила.

Когда Виталик решил больше не слушать поезд, всегда перед сном стучавший в его голове, когда он привык регулярно есть пищу и скрывать дрожь тела на уроке, если должны вызвать, вдруг приехал его родной дядя и забрал домой на каникулы. Дядя оказался большим человеком с приятной женой и удобной квартирой. Он хотел воспитать и вылечить Виталика, он показал ему, как пользоваться плитой, холодильником, купил пять тетрадей в клетку, чтобы заниматься, и журнал "Мурзилка", чтобы отдыхать.

Когда дядя и его жена ушли на работу, Виталик взял кухонный нож и вырезал плохие слова на полированных шкафах.

После каникул директор "разбирал" Виталика в кабинете, и дядя в директорском кабинете в который уже раз "разбирал" племянника. Виталик, спокойно глядя в

глаза всем своим воспитателям, всегда говорил, что больше так никогда не будет.

Конфетка

На улице дул сильный ветер. Нулевка сидела в тесной игровой перед телевизором.

Воспитательница и учительница немецкого языка Галина Станиславовна закрыла форточку, чтобы дети не простыли. Но в духоте хотелось спать, и малыши толкали друг друга, потому что вялость была им противна.

Галина Станиславовна объясняла балет своему сыну Русланчику, ученику третьего класса общеобразовательной школы, которого не хотела оставить без эстетического воспитания.

С каждой минутой дети все меньше слушали балет. Толстый Коля лег на ковер, прикрыл глаза, а Валечка стала бинтовать ему ногу шелковой лентой.

Пять человек нашли в игрушечной чашке настоящую конфету и не знали, как ее поделить. Умный Толя сказал: "Пусть каждый поклюнит пальцы и потрогает конфету, а потом оближет, и постепенно конфета съестся сама".

Когда остался маленький кусочек и пальцы покраснели от сосания, ребята вспомнили про Галину Станиславовну. Они подошли и стали тихонечко трогать ее платье, чтоб отвлечь от телевизора, а потом смелая, но красная, как помидор, Марина протянула воспитательнице размягченный остаток. Галина Станиславовна сразу заметила коричневые точки на одном из элегантных своих рукавов, закричала, что это кошмар, и, вдруг позабыв о стопроцентном сохранении здоровья, распахнула форточку настежь.

Сладкий огрызок опустился возле огуречной теплицы - его отнес туда сильный ветер, и время потекло дальше, в соответствии с распорядком дня.

Синька

Был парень по фамилии Синкевич, по прозвищу Синька. Воспитатель Виктор Степанович говорил, что он debil, и что, вообще, у него мания преследования. Виктор Степанович, пенсионер, два или три раза в неделю приходил предложить свои соображения. Про Синьку приходилось соображать много. Он не хотел учиться в своем седьмом, любил мчаться в кузове грузовика черт знает куда, прыгивать неизвестно где, а потом жить на чьем-нибудь чердаке, питаясь свежими фруктами или овощами. Во сне он шептал: "Цапуня, ну не надо" и выл как пес.

В выходной день воспитатель седьмого класса, на дежурстве которого случился побег, и легло несмываемое пятно на честь всех воспитателей, учеников и школу в целом, ехал в ближние деревни по следу Синьки. След его вел по грядкам с толстыми, переспелыми помидорами, по деревьям с краснобоким, еле удерживающим свой сок штрифелем. Всегда было заметно, что и где ест Синкевич.

Его везли в интернат в пустом автобусе, и он не смотрел в окно: там больше ничего интересного не осталось.

В интернате его уже ждал Цапукевич. "На колени", - тихо говорил он Синьке, - и Синька валился на бок. - "На колени", - медленно и ясно говорил он во второй раз и плевал на Синьку, куда попадет. Синька становился на колени, отвернув лицо к стене. "Мани-мани-мани", - напевал Цапукевич и, терпеливо улыбаясь, ждал.

Дергая шей и не попадая рукой в карман, Синька доставал, наконец, два яблока и один задушенный помидор. Это происходило по воскресеньям: в класс долго никто не заходил. "Лицо", - шептал Цапукевич, гипнотизируя Синькин узкий затылок, и Синька обращал к Цапукевичу свой худой подбородок, нос, и, с каплями ужаса, лоб.

- Завтра выметайся! Деньги, сигареты, чернила... и Цапукевич снова плевал на Синьку. Но теперь он целился в лицо.

Наташа

Когда мамка развалилась на печке и по всей комнате распространилось душное, вонючее тепло, Наташе расхотелось есть. Но Ленька уже два дня монотонно хныкал на своем топчане, не пробуя ни сесть, ни улыбнуться, и Наташа решила ехать в город за едой.

От нечистой мамкиной рубашки она отстегнула свернутую тряпку, вынула из нее все, что было – два рубля, восемь копеек, задвинула мамку к стене, чтобы не свалилась, потом завернула Леньку в толстое одеяло, а для большей плотности и теплоты связала веревками. Ленька был тяжел для семилетней Наташи. Хотя соседские бабы жалели его и говорили, что в два года он, как в год, – малой и сам не ходит. Но Наташа все-таки могла нести его до автобуса, и она понесла. В середине дороги ей стало слишком тяжело, и она села в холодную пыль, чтобы обмануть усталость. Ленька спал у нее на руках, и ей пришлось на одну минуту положить в пыль и его, хотя она очень боялась, что братец станет кашлять. Ленька не закашлял и даже не проснулся.

Наташа купила костлявого мяса в гастрономе, ей стало тяжелее всего на килограмм, и она этого даже не заметила, потому что Ленька все время спал, а она шла тихо, тоже как будто засыпая, и не чувствовала дождик на своих плечах.

Дома Наташа сварила мясо в старом, словно из земли вынутом, чугуне. От запаха Ленька проснулся, запищал, потом получил от сестры привычный подзатыльник, несколько ложек горячего бульона, большой кусок разваренного мяса без соли и снова уснул, поджав ноги к раздувшемуся животу.

Утром мамка проснулась, оцупала достающую до живота, словно тряпочную, грудь и, не найдя там комочка денег, изо всей силыхватила Наташу по ноге кочергой.

С тех пор Наташа хромала, и подружки в интернате ласково звали ее Ножка.

Трое

Их было трое из восьмого класса. Говорили, что кровь у них материнская. Хотя бы два раза в год им было необходимо пробежаться по окрестным деревням для ночевки в стогах с пропитыми, пропащими парнями.

Прогулка длилась неделю. В последнюю воскресную ночь три молодые ведьмы собирались у костра для жизненных разговоров. Они сидели всю ночь на старых насиженных пнях, их шеи, груди и животы были розовыми и горячими, а спины зябли от ночной сырости, от предчувствия погони из интерната, от боязни волков. Разговаривая, они держали друг друга за руки и все ближе придвигались к огню.

Я

Я не помню, что он натворил. Как будто специально не помню, чтобы можно было подставить самую страшную причину. Но ее нет.

Вова сидел под партой и чего-то не хотел. "А ты его скакалочкой!" - ударило в голову чье-то умудренное, и, как поезд перед крушением, задергалось сердце. Так учили меня в коридоре на примере Макаренко. "У него нет никого, значит он твой. Значит можно и, более того, необходимо".

Вова не заплакал, не закричал, не стал таращить на меня глаза и стискивать зубы. Он заверещал. Как сверчок или жук, как поросенок в мешке.

И я потом никогда не знала, что будет с ним и что со мною.

Воры

Ученики второго класса Ивановский и Батян украли у Нины Григорьевны кошелек и сбежали с рисования в магазин. Они не привыкли считать чужие деньги, но зато предчувствовали, как упоительно тратить их.

Ивановский и Батян были разные мальчишки. Батян имел совесть, в то время как Ивановский ее не имел. Но сейчас они составляли одно: их связывала дружба и преступление.

Они мчались по магазину "Разные товары", как ласточки, как соколы, как истребители. Они покупали одинаковые зеленые шарики, набор иглонок, надували, подбрасывали и прокалывали каждый. Набивали карманы пряниками и коробками спичек. Покупали серпантин, сыпали его в пыль и топтали. Потом они купили две открытки с оленями, весенними деревьями и надписью: "Любимой женщине" и приклеили их слюной к стене магазина "Разные товары".

Но в конце они устали. Сели на доски недостроенного дома, вытряхнули из кошелька последние десять копеек и заревели. Только Ивановский от страха, а Батян от совести.

Мама Полины

Мама Полины была добрая женщина. Просто сумасшедшая и опасная для дочки. Когда в ее болезни наступал перерыв, она навещала Полину. Она приезжала с тортами и апельсинами, со слезами и поцелуями, в батистовых платьях из сундуков своей бабушки и в тонких штопаных чулках.

Пока мальчишки уписывали гостинцы, она много раз прижимала к груди Полю и всех девочек. Она и мальчишек пыталась обнимать, но они потели, краснели и вырывались. Поэтому им всегда доставалось больше лакомств. Полина понимала, что у мамы больная голова, хмыкала после каждого прижатия и уходила к мальчишкам кушать торт.

Разговорчики

Вечерами, когда погасят свет, вспыхивает ревность. Я захожу только в одну комнату. Остальные ревнуют до завтра, до послезавтра. Восемь человек зададут свой вопрос. Недавно они спросили, много ли бомб у американцев, а сегодня - откуда дети. Странно, что в третьем классе они этого не знают.

Я рассказываю историю для младшего возраста о том, как семечко падает в землю, растет, растет под ветром и дождем, пока не вырастет какой-нибудь василек. У мамы с папой все как у солнышка и земли. К тому же мама хорошо кушает и спит, очень часто радуется и улыбается, и от вольготной жизни рождается мальчик Вася.

И когда, ища подтверждения своим самым смелым догадкам, девочки стали спрашивать подробности, Наташа сказала: "Наверное, меня тоже любила мама, когда я была семечкой".

Мышка

И была у нас мышка в серебристо-сером платьеце. Прежде чем пойти на работу, мы проверяли, не свалилась ли она. Ведь жила она в туалете на стене, и даже на потолке. Мы культурно просили ее: "Беатрисса, посиди немного в углу, вот тебе кусочек сыра", но все было напрасно. Оригинального характера была мышка. И дети ходили смотреть нашу мышку, как если б это была кошка, или собака, или домашняя птица какая-нибудь. Вывезенные из своих деревянных домов-развалюх ради каменной жизни в городском поселке, они еще помнили деревенские дворы, где каждый клочок земли мяукал, кукарекал или хрюкал. И мышка, скромная квартирантка в оштукатуренном туалете, была им домашним зверьком.

Цыпки

Зимой в классе цыпки, потому что снег надо брать голыми руками. Снег необходим рукам, как горлу сосульки.

Нежные руки - это очень стыдно. Руки красные и шершавые к ночи - это хорошие руки, им не страшна работа, кошка и колючка. Они немного чешутся, но не скажешь, что болят. В третьем классе все девчонки хотят быть мальчишками. Они любят свои цыпки. И когда боязливая Танечка Сачкова сказала перед сном: "Помажьте мне руки мазем!" - вся комната девочек-пацанок отвернулась к стене.

Но через две минуты, когда я вернулась с банкой и стала мазать вдоль синих жилок корявые Танины лапки с обкусанными коготками, все в комнате вдруг шевельнулось и молча попросили: "И меня". И остальные, уже уснувшие, даже в настоящих мальчишечьих комнатах, что-то небывалое почувствовали сквозь сон и стали садиться в кроватях, трогая свои руки и протирая глаза.

Снежана

После индийского фильма, в котором убили слугу, спасли младенца и покаялись, а потом сыграли свадьбу, девочки с неземными улыбками и, украдкой, слезами пошли умываться и незаметно красить губы красным фломастером.

В дверях бытовой стояла, смущаясь своих длинных, еле прикрытых ног и длинных, ищущих где спрятаться рук, переросток Снежана, горбилась и смотрела в пол. У нее была голубоватая от чтения по ночам кожа и красноватые глаза.

На подоконнике лежал нерегламентированный кусочек зеркала. Снежана бросила зеркальце в мусорное ведро.

И потекли напевы смуглолицых индийских девушек, пряные и густые, как кровь из разбитых сердец.

- Снежана, это ты здесь поешь?

- А что, нельзя?

Снежане нравилась сказочная жизнь в стране Индия.

Коля и Лида попали в процент для перевода в спецшколу. Коля ничего не соображает на уроках. Лида тоже ничего, вдобавок она чаще, чем нужно, плачет и кричит.

Перемена. Крупноголовое детское стадо бежит прямо на нас.

Лида зачем-то улыбается. Коля все время гладит мою руку, вытирая о штаны потную ладошку. Коля и Лида никогда не жили в семье, зато научились с нежностью относиться к привычным предметам. Им нравились кровать, стол в столовой и парта, за которой можно честно и равнодушно получать свои двойки. Они привыкли к вещам, выданным на определенный срок. Люди, стены и предметы составляли дом.

У Лиды и Коли была плохая память, и они уже забыли про два или три переезда из детдома в интернат, из класса "А" в класс "Б", из детского санатория снова в класс "Б".

Когда Лиду пропустили в дверь медицинского кабинета, она закричала: "А-а-а", а Коля двумя руками вцепился в тяжелую, теплую портьеру в коридоре, которую теперь придется полюбить, как родную.

Посетительница

Через три года я приехала навестить детей. Они дежурили. Я их вылавливала по двое-трое, по одному: то за ведром с картошкой, то за мокрой тряпкой, то за нелегальным футболом. Подросший Вова ловко перепрыгнул с крыши сарая на крышу другого сарая. Он увидел меня и заверещал, как сверчок. Связанные одной скакалочкой, мы помнили только одно. И тогда совместный, нам одним ведомый, непереносимый стыд отбросил нас друг от друга.

Снежана и еще две девочки к какому-то певческому слету готовили песню: "Интернат, интернат, ты отец мой и брат". Песню странную, самодельную, с музыкальным

эффектом, напоминающим волчий вой в конце. Они спели ее для меня.

А Сережа тогда еще был жив. Он пробежал по коридору с мячом, и мальчишечьи бицепсы выпирали из липнувших рукавов недавно белой рубашки. Когда мы поравнялись, он подмигнул, изображая дерзость, но смутился, легонько подфутболил мяч и спросил: "А.И., а вы помните меня?"

ГУД БАЙ!

Посвящаю Тане Цветковой.

Очень хорошо бывает дома,
если дом стоит еще под крышей,
если в темноте скребутся мыши,
да шуршит пожухлая солома.

Очень хорошо бывает, если
все стоит на самом видном месте:
стол для явств и полка с Достоевским,
и звучат Чайковский с Дунаевским.

Хорошо к тому же, если рано
не зовет гимнастика с экрана,
если долго спят, раскинув руки,
люди в нескончаемой разлуке.

Сегодня наступила весна. И я пишу о весне. Скоро не будет у меня белорусской весны. Не будет магазина "Верас" и торгового центра "Восток". Не будет продавщицы, ударяющей об лед конгломератом смерзшейся трески. Продавщицы с красными руками и рачьим покорным взором. Наверное, раки покорны, я не знаю. Но я не хочу покориться рыбе жизни.

х х х

Иногда мне кажется: как просто уехать! Своих прихватив с собой. Но оставив маму. И оставив Таню. Все, что есть родная земля - это Таня и мама. Можно ли, сжав зубы, забыть остальных? Несильно сжав зубы? Вовсе почти не сжимая?

Этот не нужен мне уже и эта.
Ужас ненужности душит меня по утрам.
Знаете, в ноябре, с первым щелчком света,
мысль о ненужности вас - мне, меня - вам.
Выйти с фонариком: может, найду человека,
губы скривив, не веря в такой исход,
но почему-то вновь выходит ко мне калека,
словно из глубины темных земных вод.

х х х

Прочла столетней давности свой дневник, где лишь полслова правды. О, умилительные рассуждательства и бесконечные планы взамен девических мечтаний! No.1. Стать доброй. No.2. Не тосковать. No.3. Жить не для себя. В глубине что-то фыркало и скулило, словно слепой щенок сидел в печенках. А думала - душа.

х х х

Проснулась. Уже в полседьмого - ослепительное солнце. Оно вошло после пакостного дождика, сырости в фанерном домике и детских насморков. Я должна проникаться мужеством, как дождь проникает сквозь стены.

Я приехала в лагерь работать руководителем кружка. Эта необременительная должность досталась мне чудом. В первый же день мне сказала медсестра: "Вот только когда все начало разваливаться". Вожатая отряда, в котором мы жили и ели, предложила мне воровать порцию еды, якобы для мужа, а на самом деле для вожатых и их друзей. Но со мною только двое моих детей. Я ей сказала: "Нас трое". В присутствии шеф-повара. Чтобы запомнили все они. Чтобы прониклись этой мыслью. Я не хочу для вас воровать. Воруйте сами. Потом вожатая не выдала даже третьей порции. Подумаешь, я сыта.

Вот с этого момента и начало все разваливаться. Вожатая с кудрями, вся подернутая золотистым волоском, красная дипломница, знаток болгарского языка, творец исследования "М.Богданович и русские символисты", командир отряда оголтелых подростков, развалилась на моих глазах. Распалась на антагонистические элементы, растаяла в воздухе, ако дым.

А вслед за нею весь лагерь стал постепенно утекать. Не приехали веселые прошлогодние студенты, фантазеры, заводилы; не пошли на тяжелую работу кухонные рабочие и детские комнаты, выкрашенные во что-то коричневое, остались стоять полупустые.

х х х

Все стали вдруг беженцами. Многие бегут от самих себя.

Любовь к теплу, покою, и вьюге за окном, -
так вот чего я стою.

И каждый день потом
в каком-то тусклом блеске,
сбегающем едва
по краю занавески,
вдоль складки или шва.

Но что-то в этом сердце
устроено не так:
то биться вдруг, то дверцы
захлопнуть: тишь да мрак.

И нету занавесок,
и комнаты пусты,
а время - лишь довесок,
к тому, что помнишь ты.

х х х

Скоро будет земляника. Прохладно. Тысячелистник, вереск, душица и чабрец. Раньше я не знала, как пахнут эти названья. А какие птички свистят над головой, не знаю до сих пор.

х х х

Дети птенчика нашли. Выпал птенчик из гнезда. Он не то, что летать не умел, - у него даже не было полноценного хвоста. Был ли он сойкой, жаворонком или синицей, не знал никто. Но воробьем он не был никогда. Дети устлали коробку куриным пером из подушки. Дали имя птенчику Чик и стали учить его летать: подбросят - поймают, подбросят - не поймают. Они ставили Чика на письменный стол и не шевелясь ждали, когда птица-мать покормит его червяком. К тому же из столовой приносили, кто что может. Но птенчик умер и дети его похоронили. Насыпали холмик свежий. Букет васильков и ромашек поставили в стаканчик с водой. Принесли баранков и булок. Конфеты подорожали. Но они карамелек душистых тоже ему принесли. А на листочке в клетку они написали крупно: "Чик, милый птенчик, мы тебя помним и любим". Потом прилетели здоровые птицы, покушали булку на Чикиной могилке.

х х х

Выгнали вожатых. Потому что мальчик залез девочке под юбку, а она оказалась дочкой большой начальницы.

х х х

Это не подростки, это бесики. Они состоят из мата - весь их мозг. Их рот переполнен жвачкой и матом. Время от времени они сплевывают. "Бабы, пойдёмте пос-сать, - зовет девчонка своих товарок. Мальчики остервенелые совершают набеги на тумбочки - грабят съестное, на спящих младших - мажут зубной пастой. Вечерком они заходят к девочкам в спальню, чтобы устроить "групповуху" - девочку за ноги-руки потягать, помять, поржать. Я гоню их страстно, я ненавижу их захлебываясь, забыв смахнуть шелуху семечек с губ. Они говорят за моей спиной: "Вон при...ая пошла!"

х х х

Незаметно уходит время. Сырость. Огромная, с хвостиками, черника, похожая на смородину. Черника-мутант. Лениво качаюсь на качелях. Вдруг солнце. Люди с сумками, как на картинке. Это родители отдыхающих детей. Тряпки для мытья полов, безмятежные, на заборах. Господи, неужели бывают такие благостные минуты?

Лоно природы. И ты качаешься в этом лоне, умиротворенный зародыш.

х х х

Какое облегчение: они уезжают. Какая тяжесть с души. Летите, летите! Бог вам судья. И мне.

х х х

Может быть, это последний лагерь в жизни. В соцлагере был пионерский лагерь моего детства. Я очень туда не хотела. Там работала уборщицей босоногая женщина с немецкими знаками на пятках. Там играли в "Зарницу", и я подводила отряд. Целый отряд подводила плохую спортивную форму. Я пела там пиратские и блатные песни и ела противную, в сладком соусе для длительного хранения, привезенную из Минска клубнику. Там я смотрела фильм "Красные дьяволята". И вот последний, взрослый мой лагерь. Прощай! Прощай кружок "юные корреспонденты" и желтый домик 17-го отряда, где вечно хлопают дверями и матом с миром говорят.

А ты пиши мне, Таня. В стенах сырых, фанерных, на нарах железных, на лесоповале я вспоминала о тебе.

х х х

Сидеть уж лучше на койке, вспоминая, что было на свете.

Дайте мне куст, по имени Буш,
чтоб с головою в него, как в душ,
чтоб от стыда с головою в него,
не замечая вокруг ничего.

Розовый куст, настоящий, большой,
как мне легко, с потрохами, с душой,
в этом бесстыдно нарядном краю
в мякоть с шипами вжиматься твою.

х х х

Москва. Бомжи возлежат головами к туалетам Белорусского вокзала. А рядом, общие и ничьи, тощие и пухлые, лежат подруги. Дети с мороженым, тающим на устах. Все еще караул у Мавзолея. Исполнитель авторского концерта "Сгубили Россию" на Старом Арбате. И я, одна из губителей, вбирающая тебя в последний раз. Я предлагаю тебе свою масонскую морду с американской помадой и сливочным мягким твоим холодком. В подземном переходе играли рок-виртуозы, одетые словно клерки. Им хлопали и бросали купюры в урну на треножнике. В детской резвости колеблемый треножник или урна с прахом?

х х х

Жадность просыпается с утра,
вместе с запоздалыми зевками.
Жадность просыпается вчера
и всю ночь бушует под замками.

Глотать все, веселое и страшное, особенное, безнадежное, безысходное! Горы безысходного падают на меня отовсюду. Что еще остается? Глотать.

"Мне так тяжело жить", - говорила тихопомешанная соседка с пятого этажа. - Я повешусь". И повесилась. Она все накапливала еду, обеспечивая будущую сытость. На кухне впритирочку и над этажом этаж стояли мешочки с перловкой и мукой. Лоснились бутылки, наполненные подсолнечным маслом. Дети же питались только в школе, где она работала посудомойкой. И сама она все питалась школьной едой, все питалась и все боялась, что придется кушать до поры неприкосновенное домашнее.

Ночью вышла во двор в тапочках и в халатике, поставила табуретку под дерево и - до свиданья.

На похоронах случился митинг. Мама покойной, из деревни, причитала: "Уж ты моя Раечка, на что он тебя бро-о-сил. А ж ты не гуляла, не пила, только деток расти-и-ла. А хозяин твой, б.., тебя в петлю засунул... Аж он тебя ножичком порезал".

Детки, синенькие, и муж, ушедший при жизни, молча глотали это пение. Раечка, как умела, любила их.

Пришла делегация из школы. В темном, с белым кружевцем на манжетцах. И одна учительница, с дрожащим лицом, тоже молча слушает, глотая. Но нет! Она вдруг твердо восклицает: "Покойница была больная женщина. Она лечилась в Новинках. А муж ее прекрасный человек. Он заботливый отец. И женщина, у которой он потом жил, очень добрая. Она водила детей к матери в сумасшедший дом на свиданье. И кормила их".

"А чтоб такое тебе и твоим де-е-тям. Такой хозяин и такой оте-е-ц", - поет старушка. Ведь она не убита. Она еще шустра. У нее еще много детей по всем республикам СНГ. И причитает она, как солистка фольклорного ансамбля.

х х х

Цветаева: "Мысль мгновенна. Чувству нужно время... Чувству нужна свобода". Нет, и давимое живет. И под спудом. Высмеиваемое. Выжигаемое каленым железом. Раечка, как умела...

Что веселей стояний
вдвоем, под кривым кусточком ?
Наверное, только весна,
машущая платочком.

Что говорливей нас,
здесь, под луной горбатой?
Разве что летний дождик
на мостовой щербатой.

Что незаметней нас
в этом холоде ясном?
Может быть, только осень,
вдруг промелькнувшая в красном.

Что же тогда длинней
любви моей терпеливой?
Наверное, только зима
в стране моей сиротливой.

х х х

Я когда-то была добра. Старое добро выгатишь на солнце - дырявое, линияное оно. Вот и любовь идет толчками. Приступы любви возникают при угрозе потери. Господи, где твой непрерывно струящийся свет?

х х х

Я полола лебеду в государственном саду. То есть в школьном. На воздухе привольном. И дождик капал на меня. Спине противно было, сыро, и воспалением легких не хотелось бы болеть. Мешочек полиэтилена с главы моей срывался, падал в грязь и вдаль летел. Все люди, дети, все мужчины, все женщины сидели по домам, и не было причины идти в их вечный бала-гам. Жан-Жак Руссо в гробу перевернулся.

х х х

Встала. Стирала. Варила суп. Забежала на работу. Дали домой занавески постирать - за два отгула. Зашла за Любашей. Обувная мастерская. Юлины сандалики забыла дома. Опять магазины. Купить мясо. Где? Купила. Пришла. Отмораживала холодильник. Варила мясо. Мутные потоки кухни.

Предметы, презираемые ране,
бродящие в потемках и в тумане,
осипшие давно при сильном дыме,
чуть дышат, чуть здороваются ныне.
Навеки покидаемые в доме,
вы снова презираемые, кроме
осевших на поверхности пылинок,
прилипших одуванчиков, былинки.

Носила Юльку на руках - играли в маленькую. Звонила Тане в Березу, но она ушла в магазин. Просила передать, что сегодня по телевизору выступление группы ДДТ. Но это уже было известно. Читала в иностранном журнале о том, что еврею следует верить в Иисуса. Правильно. Тоска. Почему она зеленая, а не коричневая? К тому же бывает побеждаема зеленым змием. Худенькая Юлька пришла с поцелуем. Спрашивает у Любы: "Люба, а наша мама писатель?" "Нет, не писатель. Филолог. Это в школе по чтению". Любаша - утрированная я.

х х х

Люблю печатное. Объедаться им, как печеным. Еще люблю устное, рукописное и выпеваемое. Неподцензурное. Пушкинское, Веничкино. Осипа Эмильевича. Марины Ивановны. Тимура Кибирова - еще и потому, что его любишь ты.

х х х

Зачем все спешит и сворачивается в комок? "Комок" - значит коммерческая лавка. Где товары пылятся, тают на солнце, соседствуют, где много горьких шоколадок. Распрямить бы дни свои, отгладить. Идти по этапу дней своих не отвлекаясь.

Прочитала быстренько "Москва-Петушки". Жаль, что и тебя, Веничка, в комок. Прости. Мне осталось 3-4 месяца на одной родине с тобою.

х х х

Когда я сказала своей коллеге, учительнице Вере, что еду, она начала вытирать глаза и нос. "Ты, говорит, хорошая, хоть и еврейка. Вот Галка наполовину еврейка, а ее попробуй одень. Вся семья с ног сбилась, пашут на ее наряды. А у тебя русский язык хороший. И белорусский. И муж. А у меня ни мужа, ни денег. Дети болеют. Тебе сейчас только прыгать от радости надо. До неба скакать. Будешь приезжать в гости, в нашу новую квартиру." Ладно, Вера, я постараюсь. Не плачь.

В переплетеньи помыслов и смыслов
о, Дай, хоть раз еще, остаться чистой!
Но в тишине, упорно и негромко,
зовет меня бранчливая воронка.
Потянет и закрутит, и - пропало.
Пока натягиваю одеяло,
она уже урчит и предрешает,
она меня бестрепетно вкушает.
То руки из нутра ее, то крики,
то светлые, то сумрачные лики,
то шепот над поверхностью волнистой:
"О Дай, хоть раз еще, остаться чистой!"

х х х

Осень. Работа, учеба, сны, простуда, инфляция, рост цен, межнациональные конфликты. Что-то булькает на поверхности жизни. У Юли болит зуб. Она пока что пошла в первый класс. Закалякала книжку Блока. Теперь плачет от Блока и от зуба. Все распялет горе в своей душе. А я лежу и пишу. Уложила Юлечку под бок и все у нее прошло. Жаль только сказку слушать не хочет. "Не пей, Иванушка, козленочком станешь". Записываю важное и пустяки. Так веселее. О, веселая российская скука! Гоголевская.

х х х

Я редко смотрю телевизор, но мне везет: угадываю странные, завораживающие передачи. Видела две похожие - по белорусскому каналу и по "Останкино", о молодых художницах. Первая, белорусская художница, спину гнет под бременем греха: почти святая, а считает себя грешницей. Все полотна о Боге. И вздохи, серьезные, смешные: "Ах, сегодня опять объелась".

И вторая ощущает Бога. Спящая наяву, кругло- и бело-лицая, тридцатипятилетняя, однажды умиравшая, но воскресшая от деревенского воздуха, говорит, что она улиточка с бессмертной душой. Она делает глиняные барельефы. Лица соседей похожи и не похожи, перекошены слегка. В них покой и страсть одновременно. Длющаяся страсть, упоенье. О, мужички, упившиеся и упоенные! О девочка, поющая в глуповатом упоеньи!

Сама художница вся из Достоевского. В подвальчиках у нее свалены крысиные морды. "Если они там есть, надо смять". Боится, морды разрушат душу. А так - ворожба. Даже в голых выпяченных животах - ворожба. Вот счастье-то женщине.

Мне снилось, что я рисовала.
Отставив сухие холсты,
в альбомчиках школьных марала
и на пол швыряла листы.

Закрывшись от детского плача,
от мелкой слезиночки той,
мохнатую кисть раскоряча,
расплачивалась красотой

за бледный испуг этих щечек,
за громкий в прихожей каприз
И в пропасть бездонную бочек
тяжелая падала жизнь.

х х х

Нет, не из сора, не из подножного корма, а из
геенны огненной, из пламени во тьме! "Из пламя и света"?
Да, из света раскаленного.

х х х

Роман ужасов - наш подъезд. Вырванные с мясом
кнопки в лифте. Дверцы почтовых ящиков, покореженные
руками подростка-великана. Запах мусоронепровода,
засохшее нечто на ступеньках. Абстрактные рисунки на
стенах: углем, землей, кровью. Надписи конкретные.
Ежеквартальные смерти старух. Два самоубийства
молодых матерей. Рвань. Брань. Пьянь. Тихопомешанное
бормотанье одинокого человека. Локальный пожар в
квартире рокера-инвалида, бывшего афганца. И его
обгоревший диван, летящий в распахнутое окно, как демон.

Промтоварный магазин: пот и слезы, коварство и любовь! А ты душа, вывернутая наизнанку, тоже хочешь приодеться? Мечтаешь, чтоб подешевле, собачка? Чтоб покрасивше? Только путаешься под ногами взмокших в ожидании своей очереди. Постой в сторонке.

х х х

Когда я гладила свой вишневый халат, перед глазами вдруг встала процедура прощанья. И слезы зашипели под утюгом. Сначала я думала провести церемонию в школе, но потом решила - придут случайные люди, а необходимые люди нечаянно разбегутся кто куда. Тогда я позвала домой Веру и Нурию. Потом школьных - Чухрову, Крикс, Шамаль, Цыпину, Алтунину, Андрееву. Потом я отважилась и пригласила Валерию Моргулис. Потом возмечтала о Марии Войтешонок, Анатолии Аврутине, Отто Новожилове и даже подумала о самой Светлане Алексиевич. Но засомневалась: пойдут ли ко мне литературные женщины и мужчины? Слишком далека я от литературы. Тогда я произнесла спич в сердце своем:

- Сябры, я ад'яджаю за акіян. (Утюг зашипел сильнее). Тут мае усё. І гэта усё я пакідаю. І мусіць, гляджу на вас сёння ў апошні раз. Але я не веру, што мяне, тутэйшай, больш не будзе. Влага зямлі ў маіх вачах і рыпіць пад вуцюгом. Магутная Амерыка з недавер'ем пазірае са свайго боку і маўчыць. Сэрца мае рвецца на часткі. Бывайце".*

Тут отключается утюг и гости не смотрят друг на друга, а смотрят вдаль.

А с тобой я устала прощаться, Таня. С тобой я не прощаюсь. На столе остались соль и мед, репчатый лук, корица, кориандр, петрушка и немного хлеба.

* Белорусский язык

х х х

Люблю трепаться с кем попало
под солнцем, ветром или выюгой.
Куда застенчивость пропала?
И скованность, ее подруга?

Подайте бабку мне на блюде,
подайте толстую соседку,
араба (можно на верблюде),
уединенную беседку.

Поставьте лавку там, на травке,
я сяду с милым покалякать -
в шелках, под зонтиком, в удавке,
в июльский полдень или в слякоть.

Пусть хлад и глад, и всякий стонет,
пусть исчезают медь и золото, -
я говорила с тетей Тоней,
и я ни в чем не виновата.

Весна 1993 - весна 1994
г.Минск

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Нечто мчит навстречу и вот-вот сметет.

Сначала оно показалось лавиной машин на Free Way, потом чуть разреженной. но все равно лавиной на улице со странным названием Lewelling Blvd. Сверкающей лавиной великолепно отмытого железа. Потом оно обернулось Левэллинг-забором и уверенно подстриженными Левеллинг-кустиками-близнецами. Потом оно чуть отступило перед лимоновым деревом с крупными, похожими на елочные игрушки, лимончиками. Ведь кустики и забор выпирали, лезли на меня, как лезет равнодушная природа, а плодоносное дерево Лимон лишь едва потрясло ветвями. Эх, кислота-теплота, кислота-роднота! Антоновские яблоки, эмигрант Бунин, г.п. Радошковичи, краткость расстояний, одинаковая терпкость жизни...

х х х

А когда через неделю ты стоял на другой стороне улицы, словно на другой планете, и я, всерьез горожанка, не знала, как перейти, - вдруг оказалось, что родина со мной. Не только потому, что я перевезла вас, своих, но и потому, что планета - всего лишь улица, которую разрешается перейти.

х х х

Все мне кажется - там что-то происходит. Непоправимое. Пропадают там без меня, пока я кушаю пособие и бездействую. В ранней молодости была у меня склонность кого-нибудь спасать. Сейчас эта склонность проходит. Но мне жаль ее, как сохнущую руку.

Три месяца прошло. Три месяца исканий и гуляний. Праздность - почти праздник.

Первый Independence Day. Вечерняя прогулка вдоль залива в Сан-Франциско. По команде расцветают небесные цветы - firework, огненная работа. Это было нашей целью. Но лучшее - всегда вне цели. Он стоял в окружении толпы, коричневый, большой и держал баночку с утрамбованными долларами. Но он ничего не просил. То есть просил, но гордо. Просил и смеялся над собой просящим.

Он был - сплошная геометрия. Корпус сгибаемый и разгибаемый под прямым углом. Углы голеностопных суставов и лучезапястных. Быстрый и острый угол поклона. Глаза, лезущие из орбит от изумленья - снова дали! - круглые, все на свете видящие глаза. Потом вычерченная под линейку улыбка подобострастного сарказма - дали, но мало, и его нежность, геометрическая нежность к ребенку, не знающему куда положить измятую зеленую бумажку, не знающему - зачем.

Может быть, он тоже стрижет кусты, сторожит чью-то собственность или ремонтирует электропроводку по ночам, может быть, он часто меняет подружек или не ладит с родственниками, я не знаю. Он отвесил нам пятнадцать минут праздника. Он сказал: возьмите меня, а о себе забудьте.

Я пользуюсь общественным транспортом - автобусом и метро. Я вхожу в свободный салон с перепачканными сиденьями, где старушки - болтушки-хохотушки и старушки леди в брючных парах, испаноязычные матери с маленькими испаноязычниками, китайки в очках, черные барышни, в блеске и лаке, мужчины, поющие и произносящие монологи - отменно выпившие и не закусившие, уколотившиеся и забывшиеся, изумленные дебилы без возраста, Bay Area, Ноев Ковчег. И все спаслись, все едут.

Однажды громко пел человек и смеялся, потом вдруг выскочил на остановке, а куртка осталась. Но шоферша не остановила, проехала с курткой. Он промелькнул в окне, кричащий, темнолицый и потный; автобусные барышни, смеясь, брали куртку салфеткой и шоферше, злорадной, подавали.

А в другой раз зашел бледный, от которого пахло. Может быть, он чистил с утра до ночи канализацию, а может, запахом страдал изначально, но зная за собой такую странность, он носил баллончик с дезодорантом и едва войдя, уже обрызгивал всего себя, бумажник и два доллара в нем - сдачи не надо - он знал, сколько стоит его проезд. И публика, хихикнув, расступалась.

И я подумала о вас, стонущие под прессом общественного мнения, сумрачные люди моей родины.

х х х

Американцы? Они часто смеются. Они любят подстриженные деревья, жареное мясо и дым от жарящегося мяса. И дым отечества им сладок и приятен.

Им не надо вина. Они опьянены. Они выскакивают на свои патио с громкими воплями счастья, овеянные пряными ароматами. Они прислоняются и едят где попало, они захлопывают дверцы и едут, они любят без разбору и расстаются без сожаления навсегда. Они впадают в раж работы. Изо дня в день они мчатся к назначенному сроку воспроизводить свой излюбленный блистающий мир. У них интонации изумленных детей, их улыбки так ладно приделаны к губам.

Они таинственны, как инопланетяне.

х х х

Один из них был моряк. Приплывший.

...У дочки болело ушко. Температура поднялась до 40. А день был теплый, калифорнийский. Полпути до госпиталя проехали на автобусе, а потом карабкались по кручам, где рос укроп и пахло бабушкиными малосольными огурцами. Но дорога уводила в сторону, петляла, а надо было спешить. Он стоял возле дома своего брата, глядя вдаль, на невидимые корабли. Его скандинавскую бороду шевелил ветер. Когда мы подошли и спросили путь, он простер руку и указал, - я был моряк, - сказав о себе. Через 100 шагов он догнал нас снова и объяснил подробно. Ушел и вернулся опять - рассказать, где продается жаропонижающее. Потом он увидел твои спортивные брюки и вновь убежал. "Вот куртка для штанов", - сказал он тебе, когда вернулся. Но у нас была куртка, и он ушел, бородатый Ангел, выглядывать свои корабли.

И теперь, когда ухо дочкино прошло, мы иногда гуляем вечерами возле San Leandro Marina и у наших ног, словно ручной, тихонько скулит океан, Pacific Ocean.

х х х

Я видела даму, живущую в старом микроавтобусе на берегу океана, где чайки и гуляющие семьи. Мы ели.

- Какого сорта хлеб вы имеете на ланч? Регулярный? Пшеничный? Он сладкий? - Да нет, обыкновенный. Берите.

Руки дамы в бесчисленных кольцах. Шляпка на свалывшихся кудрях. А в глубине ее жилища скомканные скатерти, простыни и платья, быть может, припасенные для другой жизни. Как живет эта старая морская птица? Дышит воздухом, крошки клюет, приносимые ветром.

Всем здесь хватает пищи и снисхождения.

Решить для себя: что я такое? Я как раз то русско-еврейское образование, которое обозначено в манифестах русских патриотов как результат несмываемого греха кровосмешения. Правда, кровь у меня вся нечистая - еврейская. Другой случай - смешение еврейской крови с мясом русской культуры. А это, наверное, еще опасней.

Раннее детское чувство: как, и они - такие же люди? Другие, чем мама и папа, русские люди, они - такие же? Зато позднее детство и юность - нескончаемый стыд - как можно называться как-то иначе, чем русский, когда я такая же, как все мы, и люблю все наше. Песни люблю русские, дали и шири, ночные разговоры с объятием наших русских душ. Это несправедливо, что называюсь я как-то иначе, ведь у меня даже внешность наша, русская. Ведь даже нос курносый и все наивное лицо. Вот только волосы их - мамы с папой. Ах, волосы можно перекрасить и можно сказать, что я завиваю их.

Но почему-то не перекрашивала. Пусть будет, забыла, забыла. Должно ли помнить об этом каждую минуту? Иногда напоминали пьяницы на улице: "Ух-х, цыганка! Неужто жидовка?" И от обожаемого мною: "Для меня это не играет роли, но лучше б, конечно, ты была русская".

Потом русская литература. Гоголь и Достоевский, со слезами и восторгом, прямо в душу жаждущую, пустую. Вечным смыслом поили. И разве можно было обратить внимание на летавших кое-где по страницам, пархатых жидочков, случайно залетевших?

А позже Розанов невыразимо великолепный, родной, весь в переливах смыслов, указал на меня длинным старческим пальцем: это ты, сатана, задушила царя-батюшку и невинных младенцев, ты, жидовка, экономическая кровопийца, сосешь и сосешь последние капли,

ты распяла Спасителя нашего? Нет, говорю ему, брат Василий, не я это, не мы. Да не мне доказывать. Хочешь, Фридриха Горенштейна почитай. А про себя подумала: ах, любила я тебя, гада, все извивающиеся словечки, падающие листочки, любила твои.

Национализм - это биология. К примеру, "I like pork" для чуждого уха звучит отвратительно, а скажут: "Я люблю свинину", - слюнки текут. Ушами и глазами не любят нации друг друга. Не нравятся черты, окраска, выражение, интонация, звучанье речи. Не такое как у папы и мамы, не такое, как у меня. А потом придумывают разные причины: темный это народ и дикий, или ростовщики они и христо-продавцы, или кровожадные они сплошь и тупые, либо бездельники и пьяницы все. Помню мелькало во мне: неужели я когда-нибудь полюблю нерусского человека и рожу нерусского ребенка? При каждой встрече с евреем было чувство проигрыша, скуки: не мой, не мое. А потом, когда начала писать, я знала: до конца дней это не будет моей темой, не будет и упоминания досадной мелочи моего происхождения.

И вдруг родились мои еврейские дети от моего еврейского мужа. И я почувствовала - с этого все и началось - ангельскую сущность моих детей. (Смейтесь же!). Невинность их, от века идущую, ощутила.

И когда они спросили, я сказала: "Да, евреи". - Это плохо? - Нет, это не плохо. А старшая удивилась: "В классе дети говорят: евреи, евреи, а я совсем не знала, что бывают какие-то евреи". Потом ее стали обижать, потому что была она беззащитна. Потом младшую тоже стали в пионерском лагере обижать, потому что была она моя дочка.

Но к тому времени мы уже собирались сюда. "Я человек русской культуры", - говорил с телеэкрана Ильюша Заславский, и я с грустью улыбалась ему.

И мы приехали. Чувство Служения Русской Культуре и Великому Русскому Народу, которое я, еврейская мышка, лелеяла в своей ассимилированной душе, неугасимое это чувство не то чтобы погасло, а стало как-то испуганней и оттого бледней; затянуло его легкой паутиной еврейской иронии, ведь известно, что еврей, словно паук, сосет кровь великой нации. И не захотелось мне свои щупальца (то есть это уже не мышь, а краб или спрут, или, скорее всего, просто рак, cancer) простираť к самому сердцу русского народа, по пути залезая в гортань, где ежесекундно рождается великий, могучий и свободный русский язык. Я перестала учить русских детей русскому языку, но своими хищными лапками урвала-таки кусок пожирней для себя и спрятала за пазухой. О, великий, счастливый и всесильный! Ты и в Америке меня достал. Я пользуюсь тобой, чтобы облегчить муки своего еврейского сердца. Я использую тебя в своих целях.

СОДЕРЖАНИЕ

Перемешаны счастье и горе...	5
Я живу в тяжелом мире...	6
Проклятье моей суете!	6
Зал ожидания	7
Подвал	8
Сказка о белой вороне	9
Старушка-филармония...	10
Наш маленький двор...	11
Это утро, как снег...	11
Что там у тебя за темной пазухой?	12
Элегия	12
Зонтик щелкает...	13
Как далеко и высоко...	13
Пол не мыл себя совсем и не мел...	14
По улицам тишайшим	14
Сквозь даль туманного окна...	15
Я тоже наизнанку выворачивала душу	16
Тополь корни мыл в овраге...	17
Этот ветер похож на медведя...	17
Наступление зимы	18
Одеяло верблюжье, желто-оранжевой шерсти...	18
Когда в тупик впадали переулки...	19
Все будет так, как я хочу...	19
Я всех моих ношу с собой...	20
Везде тумана мокнущие клочья	20
Когда бы знала наперед...	21
Где-то захлопнулась дверца...	22
Ты вышла и дверь за собой затворила	22
Оставленный дом	23
Сон в интернате	23
Старуха лежит, выстывает квартира...	23
Вновь мотивчик подбирает...	24
Чуть придержал свой шаг и снова...	24

Воспоминание о бабушке	25
Дед	25
Траур носят...	26
Был воздух, как сок...	26
Уходят, на землю улыбки бросая...	26
Исторический архив	27
Друзья мои, пришлите мне конверты	28
Давай зайдем в закуток...	28
Улетит душа далеко...	29
Я есть, я есть, я существую!	29
Как под деревом в дождь...	29
Такая минута...	30
Одна веселая старушка...	30
Бодро летчики летают...	31
Прогулка в грозу	31
Задушевные стихи	32
Ступает вечер простодушный по холмам...	35
Вечером, после рабочего дня...	35
Весь вечер дождь толпится в городе	36
Вода в ладони имела вкус...	36
Был сонный гул...	37
Маленькая поэма	38
Смотрю в себя, потом в окно...	42
И вдруг зажглась минута света...	42
Вхожу в этот прах повседневный и пух...	43
Влага и тихая ласка лесов...	43
Долго жил человек...	44
Под мелодию дождя...	44
Кудрявый ребенок, с большой головой	45
Стены теплы, как ладони...	45
Мама заплачет, а мальчик в испуге...	46
Ускользящее время...	47
Лица, февраль, выражение вялости...	47
Королева	48
Топчусь на дорожке заросшей своей...	48
Сказка	49
Новогодняя игрушка	50
Девочка ест яблоко...	50

Звезда называется Бабочка	51
Рыжий котенок	51
Немножечко грязи на кончике пальца...	52
Горе - не горе...	52
Из плена бежала живая душа...	53
Стирка	53
Полюбить свой день заранее...	54
Чудаковаты старики...	54
На траве, сухой, как мощи...	55
Неприметный вечер светлый...	55
Время сидело на стенке, кукукало...	55
Минует час беды и день...	56
Земля, похожая на небо...	56
Наслаждение минуты...	57
Когда душа моя стоит...	57
Стулья терлись сухими спинами...	58
Это сонный ноябрь, утонувший во мгле...	59
Горек снег, под снегом осень лежит...	59
Ртуть живая, живая водичка...	60
Льетса дождь в больничную палату...	60
Боль плывет из области Неволь...	60
А где-то на юге есть город Утюг	61
Трудно съехать на рельсы прозы...	61
А муха лапкою моет лапку...	62
Прикуешь себя цепями...	62
Люди пересекают площадь	62
Опрокинулась чаша веселья...	62
О, кофе ненашей, изысканной жизни!	63
Однажды, мечтая о жареной курице...	64
Ох, эти шоры и шорохи мысли...	64
"Есть упоение в бою..."	64
Лежала пушистая, теплая...	65
Положили души в копилку...	65
Мы не привыкли сниться малознакомым	66
Исчерпала жизнь свою похлебку...	67
Тишина подметенной квартиры...	67
Прутик и Гвоздик	68
Вот чьи-то двери покосились на меня...	70

Дверью хлопнули некстати...	70
Распропащая, глупая ты...	71
Когда с ума как следует сойдем...	71
В морозный день такое голубое...	72
В центре октябрьской смуты...	72
Фотолаборатория	73
Осколки	74
Утром	75
Я, случайно необходимая...	76
Стоял у самой двери, на пороге...	76
Как одиноко мне!	77
В доме пахнет сушеными грибами...	77
Песенка на салфетке	78
Деревянная ода	79
Ясные дни - наступления сумерек...	80
Будет лежать молодая зима...	80
Интернат	81
Гуд бай!	93
Вторая попытка	107

ISBN 0-911971-90-4